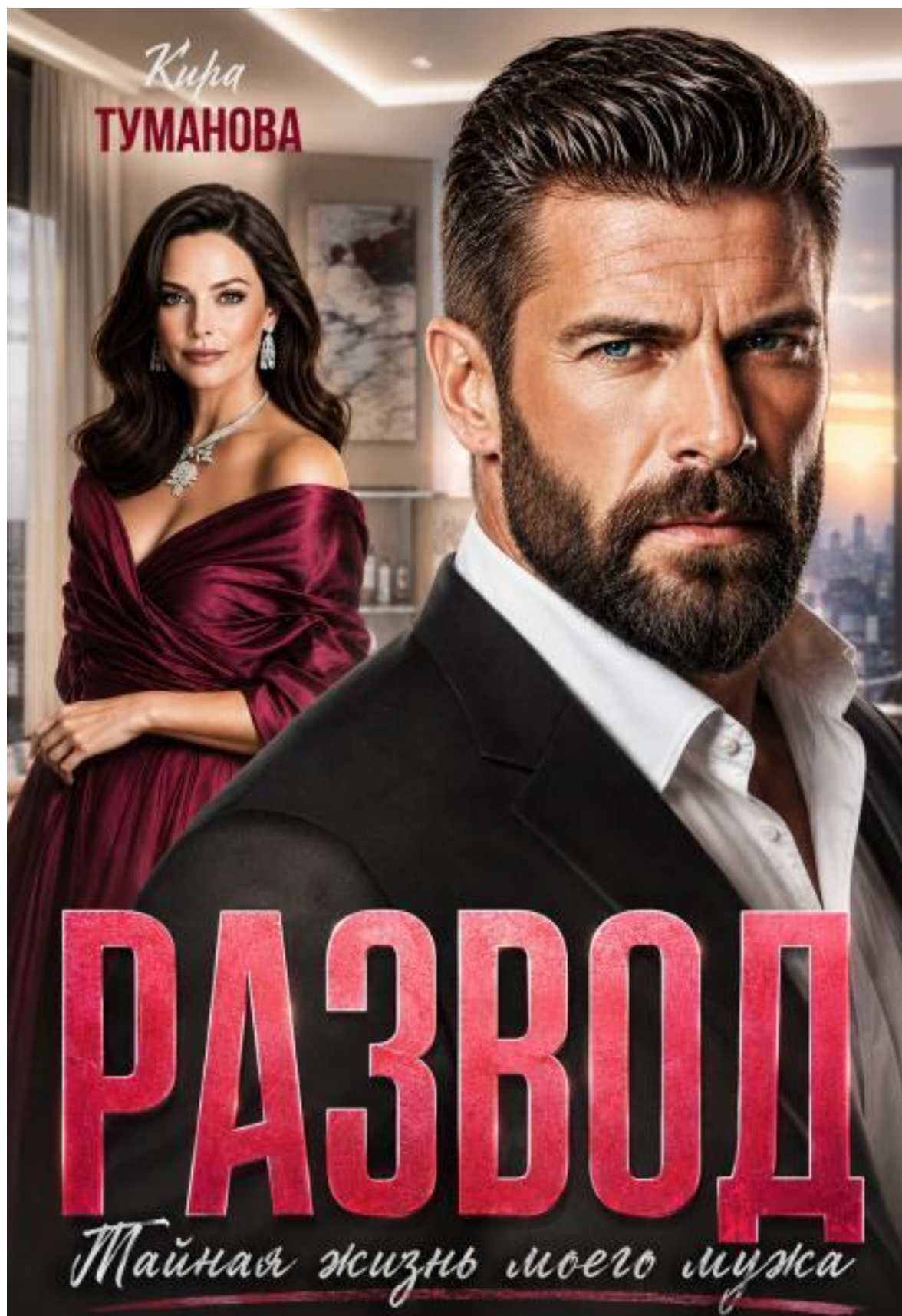

Кира
ТУМАНОВА

Кира Туманова

Развод. Тайная жизнь моего мужа

«Литнет»

2026

Туманова К.

Развод. Тайная жизнь моего мужа / К. Туманова — «Литнет», 2026

– Чего я ещё не знаю о тебе? — кричу я, и каждый звук режет горло. – Любовницы, другие жены, дети... Говори!– Не истери! - Пальцы Романа сковывают мою челюсть, заставляя смотреть в темные безжалостные зрачки. – Ты для меня просроченный актив, и особой ценности не имеешь. Так что терпи. Это всё, что тебе нужно знать!Мне скоро сорок, и единственное, что я умею – быть прекрасной женой. Только после двадцати лет брака моя жизнь прямиком катится в ад. Я случайно узнаю, что все эти годы жила с незнакомцем. Мой муж скрывал от меня не только свой мерзкий характер и грязные похождения, но даже другую «жену».Внимание! Очень сложный мужик. К клетке близко не подходить, с рук не кормить!Книга участник литмоба (18+) "Между прошлым и будущим"

Содержание

1.	5
2.	8
3.	10
4.	12
5.	14
6.	16
7.	19
8.	21
9.	24
10.	26
11.	28
12.	30
13.	32
14.	34
15.	37
16.	40
17.	42
18.	44
19.	47
20.	50
21.	53
22.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

1.

История тайнах, разрушающих жизнь близких, о предательстве и о любви.

Что страшнее: узнать, что муж тебе изменял, или понять, что вы с ним никогда не были по-настоящему близки?

– ...Мужчина, как коньяк, с годами только лучше становится. Успешных и состоявшихся среди моих ровесников не встретишь, – молоденькая маникюрша громко встряхивает пузырёк с лаком.

В салоне пахнет жжённой пылью из-под пилки и цитрусовым ароматизатором. Из-за ближайшей ширмы тоже доносится чей-то разговор.

– Я пока своего не встретила, думала, что настоящих мужчин и не бывает. У молодых парней ветер в голове, – мастер многозначительно крутит пузырьком у виска. – А в постели, так вообще ничего не умеют.

Тяжело вздыхаю. Придётся пожертвовать нервным клетками ради того, чтобы на вечернем приёме не выглядеть запущенной домохозяйкой с неопрятными руками.

Обычно мне не приходится выслушивать душещипательные истории на маникюре. Из-за нежелания узнавать подробности чужой личной жизни и делиться своими, ко мне уже много лет на дом приезжает один и тот же мастер.

Но сегодня моя бессменная Светочка заболела, и водитель привёз меня в салон, где она работает.

По плазменной панели на стене крутится какой-то клип, но звук выключен. Стараясь отвлечься от неинтересного монолога, смотрю, как на экране юная особа страстно выгибается, подставляя шею под поцелуи бородатого мачо.

Интересно, что это за песня?

– Пока молодая и красивая, нужно цепляться за статусных мужиков. – Девушка бросает на меня оценивающий взгляд, но не дождавшись реакции, понижает голос до интимного шёпота. – У вас кольцо дорогое. Сразу видно, что с мужем повезло. Тоже старше вас?

– Угу...

– Вот, я же говорю! – Одобрительно кивает девица.

На самом деле, у нас разница с супругом у нас не такая уж и большая. Всего пять лет. И я не могу поддержать этот разговор не только потому, что не хочу.

Просто я ничего не знаю про нищих и неумелых ровесников.

Наверное, с десятилетнего возраста я знала, что наш брак с Романом – дело времени. Наши семьи дружили, и жили мы по соседству в коттеджном посёлке.

А когда я слышала, как у наших отцов за рюмочкой, между обсуждениями цен на щебень и оборудование, вдруг проскальзывало что-то в стиле «вот поженим наших...», «ну давай, за объединение», я стыдливо краснела и считала, что мне невероятно повезло.

Мне льстило, что на зависть всем девчонкам, я ношу негласный титул невесты спортивного, высокого темноволосого старшеклассника.

Конечно, из-за того, что Ромка был старше, мы не были лучшими друзьями и общались довольно редко. Относился он ко мне без излишней нежности, но подчеркнуто внимательно. А, когда я заканчивала школу, Рому Бурцева отправили учиться за границу.

Но и тогда мою романтическую девичью душу грела мысль, что у меня где-то далеко есть настоящий жених. Нужно немного подождать, и мы вновь воссоединимся.

– Вот даже по обручальному кольцу видно, что муж вас ценит. Это бриллианты?

– Света серьезно заболела? – тактично пытаюсь сменить тему.

– Нет, завтра выйдет. – Девушка повыше натягивает маску и, как мне кажется, обиженно хлопает ресничками. – Вы не волнуйтесь, я ничуть не хуже сделаю. Я тоже топовый мастер.

Мне становится неловко. Будто усомнилась в её квалификации.

– Простите, как вас?

– Лиза.

– Лиза, я просто привыкла к Светлане, она всегда знает, что мне нужно.

Да, например, она знает, что я довольно стеснительна и замкнута. Не люблю лезть в душу и свою наружу каждой встречной не выворачиваю.

– Вот и будет у вас повод сравнить. – Воодушевлённая моим вежливым ответом, Лиза продолжает тарыхтеть. – Я, наверное, последний день работаю, любимый против. Говорит, буду сидеть дома и нашим сыном заниматься.

– Да что вы говорите...

На экране бретель медленно ползёт с обнажённого женского плеча, и бородастый мачо покрывает его страстными поцелуями.

Стыдливо отвожу глаза. Наверное, хорошо, что текст и мелодию к этой похабщине я не слышу.

– Он говорит, что скоро разведётся.

Вымучиваю жалкую улыбку и с преувеличенным интересом рассматриваю палитры с оттенками гель-лака.

– Его жена ведь почти старуха, сына ему никак родить не может. А он мужчина, и ему наследник нужен. Вы же понимаете?

У меня самой две дочери, поэтому не понимаю. Категорически.

– Мужчины дочерей больше любят, – выдавливаю неохотно.

– Это они только говорят так. Давайте левую руку.

Засовываю правую руку под слепящий ультрафиолет. Пальцы Лизы, холодные и цепкие, хватают мою левую кисть. Она проводит кисточкой. Лак ложится густо, бордово, с синюшным оттенком старой крови.

– Очень красивый цвет, – продолжает Лиза, – так и играет...

Спорить со словоохотливой Лизой мне не хочется.

Какая разница, какой там оттенок? Кто будет к моим ногтям присматриваться?

– Вы не думайте, я брак не разбиваю. – Продолжает Лиза. – Жена у него – ни рыба, ни мясо. Блеклая какая-то, и без гордости.

Она выводит на безымянном пальце слишком жирную полосу. Кончик кисти слегка подрагивает, еле заметно заползает на кутикулу.

– Представляете, – не выдержав, она поднимает на меня круглые глаза и шепчет зловеще.

– Она за ним на машине прямо к моему дому подъезжает.

– Угу...

– Жене вообще всё равно где он и с кем он. Зачем за такой брак держаться?

– Угу...

– Они даже не смотрятся вместе.

Лиза вдруг бросает мою руку – кисть шлёпается на стол, пальцы с полосками невысохшего лака смотрят на меня с немым укором.

Я не успеваю открыть рот, чтобы возмутиться, как Лиза хватается телефон, острый ноготь стучит по стеклу.

– Вот, смотрите. Я их с балкона сфотографировала. Вообще не её фасон мужчины. А мне бы подошел.

– Я потом посмотрю, – тычу ей под нос руку с неокрашенным мизинцем.

Лиза фыркает и швыряет телефон на столик. Экран гаснет не сразу.

Невольно я бросаю на него взгляд.

И земля уходит из-под ног.

2.

Фотография сделана сверху, с балкона.

Мужчина стоит ко мне спиной, но я сразу узнаю широкие, обтянутые тканью пиджака, плечи. Еще сегодня утром я спала, обнимая эти плечи руками.

Крупная ладонь, которой он опирается о капот внедорожника, утром положила в рюкзак нашей младшей дочери забытый учебник. Даже тёмное пальто, переброшенное через сгиб локтя – то самое, что я выбирала ему в прошлом сезоне.

А рядом...

Я тянусь к телефону, забыв про лак. Кончики пальцев касаются холодного стекла.

Медленно, неуклонно растекаясь ядом, под ложечкой возникает сосущая пустота.

Перевожу взгляд на Лизу.

Уловив моё замешательство, она испуганно моргает. В недоумении стягивает маску на подбородок. Пухлые губки, голубые глазки, копна волос заколота на затылке.

Не-ет, не может быть!

Нет! Рома бы никогда не связался с такой пустоголовой девицей.

Меня всё сильнее затягивает воронка боли и тоски, но я сопротивляюсь и из последних сил хриплю просительно.

– А другая фотография вашего мужчины есть?

– Да, конечно. – Лиза, довольная тем, что я проявила интерес, снова ищет что-то в телефоне. – Вот он.

Сглотнув, разглядываю фотографию генерального директора горнодобывающей компании Романа Викторовича Бурцева на корпоративном сайте.

Ошибки быть не может! Эта писюха спит с моим мужем!

Пальцы чешутся вырвать этот пузырьёк и опрокинуть её на голову. Один резкий взмах — и восхищающий её мертвячий бордовый цвет хлынет на её обесцвеченные волосы, стекая по лицу.

А потом можно затолкать пузырьёк ей в глотку и наблюдать, как она синее. Вот так цвет лака точно заиграет!

За ширмой покашливает другая клиентка и я гашу в себе кровожадный порыв.

– Еще раз можно его... Хм... С женой. – Есть слабая надежда, что хоть здесь мне показалось.

Лиза протягивает мне телефон со сделанным ей снимком.

Глотку схватывает спазмом. Забыв обо всём, потираю горло, и наверное, там остаются бордовые полосы не засохшего лака.

Лиза пугается. Заподозрив неладное, хватает телефон и прячет его за спину.

– Что вы делаете-то?! – взвизгивает она. – Да вы себя измазали! И телефон тоже!

– Покажите! – мой крик разрывает уют салона.

– Что-то случилось у вас? – к нам уже спешит администратор салона – милая девушка с любезной улыбкой.

Бросает взгляд на мою шею и отчего-то бледнеет.

– Ни-ничего, – пищит Лиза. – Ничего не случилось.

– Я хочу увидеть фотографию, – слова вылетают обрывисто, я задыхаюсь.

Снова тянусь к шее и отдёргиваю руку, нащупав подушечками пальцев липкие следы.

Администратор поворачивается к Лизе.

Цедит холодно:

– Покажи, что там?

Лиза, дрожа, протягивает мне телефон, стараясь держать его за чистые края.

Поймав мой взгляд, скользит пальцами по экрану, снова и снова промахиваясь. Наконец, находит. И подаёт мне.

Администратор с любопытством косится в экран, но мне не до неё. Мир сужается до размеров экрана, заляпанного моими отпечатками.

На снимке, сделанном с балкона, действительно, мой муж. Он стоит спиной, напряжённо наклонившись вперед, беседует с женщиной.

А «блеклая ни рыба ни мясо» слушает его с милой улыбкой. И такие эпитеты ей могла навешать только завистливая малолетка, вроде Лизы.

Рядом с мощным Романом миниатюрная блондинка с волосами до плеч, выглядит точёной статуэткой. Стильная и явно обеспеченная, судя по машине и модным укороченным джинсам, открывающим стройные щиколотки.

Но это и не жена Романа Бурцева, это я знаю точно.

Потому что жена Романа Бурцева – это я! Тогда кто на фотографии?

3.

С остервенением размазывая слезы локтем, смотрю на проносящиеся мимо фонари.

Я не помню, как вышла из салона. В памяти осталась только крепкая рука водителя Сергея, который тащил меня к машине.

– Агата Павловна, может в другой салон поедем? – Ловлю в зеркале заднего вида его насмешливый прищур. – В этом вам, кажется настроение испортили. Мастера плохие?

– Мудак, – невольно бормочу, ишу влажные салфетки потрёпанной сумочке. Кажется, я ей кого-то била. – Какой же он мудак.

Администратора? Или стерву Лизу?

Сергей издаёт странный звук, будто прочищает горло.

– Точно плохие мастера, – тяжело вздыхает водитель. Обычно он возит мужа, но сегодня отдан в моё распоряжение. – Но драться с ними не надо было. Вы Роману Викторовичу пожалуйте, он их с потрохами съест.

Ага, он уже съел. И Лизу, и тощую блондинку. И не знаю кого еще.

У нас же все нормально было! Чего ему не хватало?

Вытряхиваю содержимое сумки прямо на сиденье. Салфеток нет. Наверное выпали, когда я размахивала ей, как пращей.

Интересно, Лиза поняла, кто я такая или просто решила, что у её клиентки крыша поехала?

Нет, как она поймёт? Ведь она уверена, что Роман женат на другой! И даже то, что, по её словам, с той «другой» женой у него не всё гладко, меня не очень успокаивает.

Влажных салфеток мне сейчас не хватает. Лак схватывается на шее, и чешется.

– О, господи! Она же про сына говорила! – с ужасом прижимаю к щекам ледяные ладони.

– Про сына? – Заинтересованно откликается Сергей. – Вам не только причёску попортили, лицо расцарапали, ещё и угрожали родственниками!

Вот ведь, подлец! С мужем он не позволяет себя так вести. Сидит и не отвечает. А со мной ведет себя свободно и панибратски.

– Не лезь не в своё дело! – Рываю взбешённо, ещё не остыв от схватки в салоне.

Сергей обиженно замолкает.

Не нравится, да?

Вот получите теперь!

Все привыкли, что я обаятельная женщина с милой улыбкой. За спиной которой можно вести хоть десяток других жизней. А почему и нет? Я не проверяю телефон и не устраиваю проверки.

А зачем? Я думала, что мы с Романом крепкая пара, давно срослась в одно целое.

Хватаю с сиденья маленькое зеркальце, выпавшее из сумки, и пытаюсь пригладить волосы, которые топорщатся у висков. Господи, на кого я похожа! Грязным пальцем в подтёках лака пытаюсь стереть размазанную под глазами тушь.

Во всём теле такая тяжесть, будто я день лежала под бетонной плитой. В горле колющий ком, а в груди – пустота. Даже не пустота, а настоящая чёрная дыра, которая с каждой секундой расширяется и заполняется чем-то липким и горьким.

А ведь ещё пару часов назад всё было так просто!

Подхватив пудреницу, хлопаю пуховкой по шее, чтобы скрыть красные полосы. Выглядит так, будто на меня напала волчья стая.

Единственное, что меня заботило сегодня утром, болезнь моей маникюрши. Мне так хотелось быть достойной спутницей своего мужчины на церемонии вручения премий.

Предприятие Романа претендует на номинацию «Прорыв года», и я предвкушала, как он поднимется на сцену, примет из рук ведущего статуэтку и будет скромно вещать в микрофон: «Спасибо моей жене за то, что всегда поддерживала меня...»

Камера возьмёт крупным планом моё смущённое лицо. А вечером мы с Романом будем пересматривать его награждение, он поцелует меня в висок и скажет, какая я красивая.

В моей жизни не было крутых поворотов и серьезных потерь. У меня нет совершенно никакой закалки перед испытаниями.

При рождении судьба мне выдала определенный набор паззлов, и моей задачей было только сложить из разрозненных картинок красивый мир, где тихо, спокойно и уютно.

А теперь мерзавец Роман стукнул кулаком по столу, и вся эта тонкая, долго выстраиваемая гармония рассыпалась на тысячу бесполезных кусочков.

В голову закрадывается нехорошая мысль, и я откладываю пудреницу в сторону.

– Сергей, куда ездит мой муж?

Он молчит, лишь бросает на меня быстрый взгляд и снова смотрит на дорогу. Понятно, мы обиделись!

– Я хочу знать, где он бывает после работы? – Повторяю с нажимом.

Сергей пожимает плечами.

– Много где. Вчера в ресторане встреча была.

– С кем? – Подаюсь вперед. – Сколько их было?

– Я не знаю, Агата Павловна. Это не моё дело.

Обижено хохлюсь на сиденье. Было бы глупо думать, что Сергей сдаст человека, который платит ему деньги.

Да, я не в себе сейчас. Потому что меня ударила по голове не просто измена, а катастрофическая ложь! Явно многолетняя и очень запутанная.

Я всегда вела себя сдержанно и элегантно, но сейчас меня загнали в угол и впервые в жизни мне хочется огрызнуться и показать зубы.

Машина тормозит, и знакомые ворота медленно поднимаются.

И мне становится по-настоящему страшно. Суетливо сбрасываю всю мелочь обратно в сумочку и долго пытаюсь застегнуть молнию.

Я нарочито медлю. Жду, когда Сергей уйдёт, и я смогу побыть немного одна. Мне нужно подготовиться к самому важному разговору к своей жизни.

Водительская дверь хлопает, и я с облегчением выдыхаю. Но через секунду моя – распахивается с мягким щелчком, и в салон врывается поток воздуха, который после прохлады кондиционера кажется тёплым.

– Сергей иди. У меня ключи упали, я поищу. – Демонстративно наклоняюсь.

– Агата, что с тобой? – Надо мной недовольные вибрации баритона мужа. – В салоне красоты закончилась красота?

4.

Медленно поворачиваю голову. Роман стоит, загораживая дневной свет, и его четкий контур хорошо читается на фоне неба.

Выпрямляюсь и прядями волос пытаюсь прикрыть художества на шее.

Он протягивает мне руку.

– Так что случилось? – Повторяет с нажимом.

Вкладываю ему в руку свою сумочку и, согнувшись, вылезая из машины. Наклоняюсь, отряхивая юбку, чтобы собраться с мыслями.

Выпрямляюсь и дерзко вздёргиваю подбородок.

Он с насмешливым прищуром скользит взглядом по моему потрёпанному виду.:

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

– А ты! – воткнув палец в воздух между нами, яростно шиплю. – Ты хочешь мне сказать что-нибудь?

Он с удивлением приподнимает бровь.

– Не понимаю...

– Имя Лиза тебе говорит о чём-нибудь?

Внимательно вглядываюсь в его лицо. У него ни один мускул не дёргается. Никакого проблеска узнавания.

Ни паники в глазах, ни стыдливого румянца. Образец спокойствия.

– Лиза – это репетитор Стеши по рисованию? Или математике? – Интересуется ровным голосом. – Прости, я не помню, как их всех зовут. Я считаю, это твоя обязанность знать их.

Как он всегда одной фразой заставляет почувствовать свою вину и ущербность? Из обвинителя мигом превратил в рассеянную дуру, которая не в состоянии запомнить, как зовут преподавателя дочери.

На секунду кажется, что прямо сейчас мне нужно попить ромашкового чая и успокоиться. Не может человек с таким равнодушием произносить имя любовницы.

– А стройная блондинка, которая ездит на синем внедорожнике, тебе тоже незнакома? – Выдаю ему ещё один козырь.

По горлу Романа прокатывается еле заметный комок. Молча отводит прядь волос с моего плеча и пристально вглядывается в шею.

Ощущение, что я полная дура усиливается многократно.

– Агата, предлагаю тебе пройти в дом. Кажется, ты устала сегодня.

Он разворачивается, демонстрируя, что разговор закончен. Но не для этого я сегодня прошла через унижение и отчаяние, чтобы пялиться в удаляющуюся спину.

– А ну, стой!

На каком-то животном рефлексе догоняю его в два быстрых шага и хватаю за локоть. Тонкая шерстяная ткань ползёт под пальцами, он выдёргивает руку и брезгливо смотрит на мои ногти.

– Да что с тобой такое?! – От его рыка взмываются пряди у моего лица. – Я тебя не узнаю!

– Это я тебя не узнаю! Что ты, чёрт возьми, такое! Кто ты? – Уже кричу на грани истерики.

Его взгляд мгновенно стынет, будто в глазницы вставили два отшлифованных льдины. Женская чуйка вопит сиреной, что я права!

В окне мелькает белый чепчик горничной. Заметив мой взгляд, горничная тут же исчезает в глубине дома, как призрак.

Наверное, сейчас все видят эту безобразную сцену. Но впервые в жизни мне всё равно, что думает горничная, водитель, соседи.

У меня жизнь катится к чёрту. Поэтому сегодня мне не до хороших манер!

Мой муж переступил через моё доверие. Через мою верность.

Скомкал всё, что я делала для нашей семьи, для брака и для него лично, в один большой ком, подтёрся им, и спустил в унитаз.

– Признайся, прошу, – снижаю свой голос до умоляющего шёпота. – Я заслужила правду.

Роман недовольно выпячивает челюсть вперед, ноздри раздуваются, как у бешеного быка.

– Не позорься, – шипит сквозь зубы. – Дома поговорим.

Он разворачивается и широко шагает по направлению к дому. Всхлипнув, плетусь следом мимо посаженных мной кустов рододендронов. Я хотела, чтобы видимый с улицы участок изумрудной лужайки оттеняли именно белые цветы.

Я поливала их удобрениями для пышного цвета и подрезала каждый сухой лист. Только пока я возилась с землёй, пытаясь вырастить безупречную картинку для чужих глаз, корни нашего брака уже подгнивали.

Роман быстрым шагом поднимается по ступенькам, на ходу поправляя галстук и исчезает в проёме двери. Я иду следом, автоматически переставляя ноги.

Будто это я нашкодила, и сейчас мне предстоит качественная головомойка.

Проскальзываю за мужем в приоткрытую дверь и Роман тут же крепко, до боли стискивает моё плечо.

Я ойкаю и прижимаюсь к стене.

Тяжело дыша смотрю в его недовольную рожу.

– Отпусти, – хриплю в отчаянии. – Не прикасайся!

Он неохотно убирает руку и слегка наклоняется, сокращая дистанцию до сантиметров. Мы почти сталкиваемся носами. Невольно вытягиваюсь в струнку и приподнимаюсь на носочки.

Мне сейчас больно и странно. Я смотрю на своего мужа, но вижу незнакомца. Будто двадцать лет брака растворились в воздухе.

– Что за истерику ты закатила, Агата? – Верхняя губа у него подрагивает. – Я крайне тобой разочарован.

– Это я... Я разочарована! – морщусь. – Как ты мог...

– Сейчас ты добавишь «...после всего, что я для тебя сделала».

В его голосе колючая насмешка, но я, не уловив этой иронии запальчиво кричу:

– Да, именно так!

– И ещё будут фразы про то, что ты отдала мне лучшие годы, и я, подлец, украл твою молодость?

Нервно кусаю губы. Да, примерно так я и хотела сказать. Воззвать к его совести, заставить покаяться.

Роман хмыкает:

– Не надо делать вид, что ты, невинная овечка, положившая себя на алтарь служения семье, вдруг узнала, что я тебе изменял.

В смысле? Он что, считал, что я... Широко распахиваю глаза, почти не дышу. Сердце бухает так, будто сейчас разобьётся о грудную клетку.

Что-то в моём лице его настораживает. С недовольным прищуром вглядывается в мои глаза.

– Что, и правда не знала? – Отстраняется на пол шага, и подумав, добавляет. – Ну вот. Теперь ты в курсе.

5.

Роман вытаскивает из кармана носовой платок и протягивает мне.

– Не устраивай трагедию.

Игнорирую его жест. Съеживаюсь на диване и прижимаю к животу подушку.

– Сопли подбери, – рывкает в неприкрытой брезгливости. – И так чёрт знает на кого похожа.

Я жду извинений, сожалений, раскаяния. Но не злых слов, которые впиваются в грудь и тянут душу наружу. Не могу сдержать нового всхлипа отчаяния.

Роман прячет платок обратно, отворачивается.

Засунув руки в карманы, слегка покачивается на носочках. Наверное, так он привык демонстрировать своё недовольство менеджерам, которые не выполнили план по продаже его грёбаного щебня или прошляпили скидки на оборудование.

– У нас же две дочери, – пытаюсь воззвать к его совести.

Я не могу объяснить, зачем я с мазохистской настойчивостью жду оправданий. Ведь понятно, что их не будет. Но это погладило бы моё истерзанное женское эго, и в тяжёлом разговоре я могла бы вести диалог на равных.

Сейчас наше общение выглядит так, словно Роман отчитывает нерадивого подчинённого, а не пытается успокоить безутешную жену.

– Ты мне даже сына не родила, – спокойно сообщает он, глядя в окно. – И ещё смеешь упрекать в чём-то?

Наверное, будь я в другом состоянии, у меня бы глаза на лоб вылезли от изумления. Но отчаяние прорывается новым потоком слёз.

Я? Должна была сына родить?

Да как он смеет! Пол ребенка зависит от мужчины, и ни одна женщина в мире не научилась приказывать своим яйцеклеткам. Мне нужно было забор для X-хромосом ставить с охранниками на входе?

И ведь никогда, ни единым словом Роман не говорил мне о том, что мечтает о наследнике.

Ксения уже взрослая, когда-нибудь выйдет замуж. Будут внуки, может быть, и с зятем повезёт. Его драгоценный карьер не пропадёт.

Я много чего хочу сказать ему, но кричать в спину бездушного постороннего человека у меня нет сил.

– Зато твоя Лиза родила, да? – Вот и всё, что я могу просипеть с обидой.

Грудь сковывает новым витком боли от осознания. У моего мужа где-то на стороне сын, и он, козлина такая, даже не пытался заговорить со мной о третьем ребёнке. А ведь я ещё не старая!

– Лиза? – он поворачивается, в недоумении приподнимает бровь. – Откуда сведения?

– Она сказала!

Многозначительно хмыкает, и ещё раз пробегает взглядом по моей потрёпанной одежде и всклокоченной причёске.

Тут же достаёт телефон, и набирает номер. Поднимаю голову и, тихо всхлипывая, прислушиваюсь.

– Лизавета, – бесстрастно начинает, – мне сказали, что у нас есть сын. Ты в курсе, что происходит?

Плотно прижав трубку к уху, пару секунд слушает.

Шмыгаю носом. То есть сына у него нет, что ли? Ничего не понимаю.

– Так какого хрена ты моей жене это говоришь? – он гаркает так, что на люстре звякают хрустальные подвески.

Видимо, перепуганная Лиза пытается сообразить, какой жене и что она говорила. Или сообщает, что она очень хочет от него розового сладкого пупсика?

– Я с тобой ещё поговорю. Но я очень недоволен!

Он даже не стесняется звонить при мне своей потаскухе. Я на самом дне.

– Ты не так её поняла. – Роман прячет телефон в карман и еле слышно добавляет. – Две идиотки...

Меня словно ледяной водой окатывает. Всклипывая, вытираю со щёк солёные дорожки. Просто так идиотские ситуации не создаются. Для них нужен хоть один идиот, а по мнению моего мужа, их целых два. То есть две! А он сам в белом фраке и безупречной манишке что ли?

Вот так просто сбросить меня с пьедестала законной жены в одну яму с этой потаскухой.

Я больше не всклипываю. Щёки, солёные от слёз, горят, но новых нет. Они останавливаются, перегороженные плотиной ярости.

Я смотрю на его руку, только что убравшую телефон в карман — ту самую руку, что, возможно, обнимала другую. И внезапно мне становится не больно, а до тошноты противно.

– И это всё? – мой голос звучит непривычно тихо и хрипло. Я сама его почти не узнаю.

– Ты больше ничего не хочешь сказать, кроме того, что мы – «две идиотки»?

Роман пожимает плечами, этот его фирменный жест раздражённого всесилья.

– А что ты хотела услышать, Агата? Признание в любви? Ты же взрослая женщина. Я был уверен, что ты понимаешь, что мужчинам нужно сочное и свежее женское тело.

Я медленно, преодолевая слабость в коленях, поднимаюсь с дивана. Ноги дрожат, но я выпрямляю спину. Подушку, как щит, зажимаю в руках.

– Ты сейчас о себе, как о собаке говоришь.

– Если бы я был собакой, то, наверное, – с хрустом ведёт рукой по щетине и скептически хмыкает, – меня бы больше интересовали твои костлявые прелести. Но я к тебе уже полгода не прикасался. Угадай почему?

– Да как ты смеешь! – Швыряю в него подушкой, и она плюхается ему под ноги.

Он пинает подушку носком начищенного ботинка, и она скользит по паркету в угол.

– Ты просила признаться? Я признаюсь. Ты давно не привлекаешь меня, как женщина! И я не отказываю себе в удовольствии снять стресс на стороне. Ну вижу в этом проблемы.

Его слова падают, как камни, в ту самую раскалённую пустоту внутри. И от каждого удара в ней высекается искра.

– Чего я ещё не знаю о тебе? — кричу я, и мой голос больше не срывается на визг. – Любовницы, другие жены, дети... Всю правду, Роман! Говори сейчас же!

– Хватит! — он делает шаг вперёд, и его пальцы впиваются мне в челюсть, сковывая и заставляя замолкнуть. – Ты для меня просроченный актив, Агата. И особой ценности не представляешь. Так что терпи. Это всё, что тебе нужно знать!

– Пусти... – Извиваюсь и хватаю его за запястья.

– А сейчас приведи себя в порядок, – продолжает леденящим тоном. – И будь готова составить мне компанию на приёме.

6.

– Обойдётся, – шиплю ему в лицо.
Уголок губ едва заметно ползёт вверх.

– С чего это? – передёргивает плечами в недоумении. – Ты моя жена и должна поддерживать меня.

Сейчас я жалею, что так бездумно пожертвовала диванной подушкой. Мне нужно выплеснуть куда-то мою ярость. Я бы сейчас вогнала эту подушку ему в глотку.

Наверное, он видит, как у меня дрожат руки от гнева, потому что бросает:

– И успокойся. Ты выглядишь жалко. Я и сам уже не уверен, хочу ли я тебя брать. Таковую...

Ещё один укол, который вышибает воздух из лёгких. Одно дело, когда я принимаю решение сама. Совсем другое – услышать, что тебя оценивают и находят недостойной.

Я понимаю, что это подлая и грязная манипуляция, но она задевает мою гордость. А я сейчас не в том состоянии, чтобы слушать доводы, которые настойчиво шепчет разум.

– Как ты смеешь так со мной разговаривать?

Роман устало вздыхает и хрустит шеей. Я с напряжённым вниманием слежу за ним. Слез уже нет, но я так тяжело дышу, будто пробежала стометровку.

– Дорогая жена, – неспешно начинает он, касаясь рукой линии волос, – как муж я полностью выполняю свои обязательства. И не смей меня перебивать! – рявкает, когда я открываю рот, чтобы возразить, и продолжает дальше. – Я полностью обеспечиваю семью, позволяю тебе делать всё, что захочешь, не жалею денег на детей и их образование, на дом, путешествия и подарки. Я помогаю твоему папаше не разориться и вкладываю тучу денег в его ущербное предприятие. Так какого хрена ты выдвигаешь мне какие-то претензии?

На последней фразе он повышает голос, и мне хочется съёжиться. Роман пристально смотрит на меня, и обнажает зубы в оскале, чем напоминает мне голодного крокодила.

– А теперь давай вспомним требования среднестатистического мужчины к жене.

У меня дёргается правый глаз.

– Я хорошая жена! – выкрикиваю я. – Я отличная мать! Я...

– У мужчин всё проще, – отрезает он. – Королева в гостиной. Хозяйка в доме. И... – он нарочито медленно обводит меня взглядом с ног до головы, – тигрица в постели. Ты у нас кто, Агата? Королева? После сегодняшней истерики на лужайке? Хозяйка? Может быть. Тигрица? – Он фыркает. – Увы. Ты – милая, воспитанная комнатная собачка. Которая вдруг оскалилась. И которую теперь придётся воспитывать.

– Не смей... не смей хамить! – из меня вырывается не крик, а какой-то хриплый, надтреснутый звук.

– Ты живёшь в условиях, которые сама никогда бы не создала. Помни об этом.

В его словах нет злобы. Он не оскорбляет меня. Он выставляет оценку. И эта оценка уничтожает всё: мою ярость, мою обиду, мою правоту. Остаётся только ледяная, всепоглощающая пустота. В этой пустоте нет уже ни слёз, только тихий, ровный гул в ушах.

Роман никогда не отличался душевной чувствительностью. Был собранным и, порой, слишком циничным.

Но бездушным чудовищем он не был!

Смотрю на свои руки. На тонкую полоску золота на безымянном пальце правой руки. Сейчас обручальное кольцо кажется мне чужим и тяжёлым.

Двадцать лет я носила его с гордостью, как символ любви и верности. А для моего мужа это всего лишь этикетка «идеальной жены», которая только что получила оценку «неудовлетворительно».

С усилием, будто сдирая с кожи собственное прошлое, стягиваю кольцо с дрожащих пальцев. Оно не хочет сходить, царапает сустав. Я хочу, чтобы это была последняя боль, которую он мне причиняет.

Кладу кольцо на стеклянную столешницу между нами. Золото звонко цокает.

Роман даже не шевелится. Смотрит на кольцо, потом медленно поднимает глаза на меня. Зрачки, как чёрные дыры.

– Очень эффектно, – произносит он наконец. – И крайне глупо. Подними.

– Нет!

– Агата, подними кольцо. – В его интонации появляются стальные нотки. – Сейчас же.

Я качаю головой, сжимая вспотевшие от волнения ладони.

– Этим я сказала всё.

– Нет, милая. Ты ничего не сказала. Ты сделала театральный жест. А теперь послушай, что будет дальше. – Он делает шаг вперёд. – Если ты думаешь, что этот кусок золота что-то меняет, ты глубоко ошибаешься. Без него ты всё равно остаёшься моей женой. По документам. По тому, как тебя воспринимают твои дочери, твой отец, все наши знакомые и друзья. Твой уход – не освобождение. Это катастрофа, которую ты на себя навлекёшь.

– Я не боюсь, – выдыхаю я, но голос предательски дрожит.

– Не бойшься? – Он мягко, почти интеллигентно подхватывает мою слабость. – Прекрасно. Тогда будем говорить как взрослые люди. Ты подаёшь на развод. Что ты получишь? Половину? – хмыкает, – Вот уж не факт. Не сомневайся, я подстрахуюсь на этот случай. А что будет с папиным заводом, который держится на моих контрактах? Он рухнет через полгода. А Ксения? Её место в академии – это не её гениальность, дорогая. Это моё пожертвование фонду. Его можно отозвать. И Стеша... Как думаешь, ты сама потянешь частную школу?

На его лице ни тени растерянности, лишь самоуверенная ухмылка. Это плохо. Я знаю его таким. Таким он показывает себя на деловых переговорах.

Роман только что разобрал всю мою жизнь на статьи расходов и ткнул меня носом, насколько я зависима от него.

И дочери... Неужели он даже дочерей готов втянуть в этот грязный шантаж?

– Ты... ты не посмеешь, – шепчу я.

– Я сделаю то, что будет наиболее рационально, – пожимает он плечами. – Если ты станешь угрозой для стабильности нашей семьи, я минимизирую ущерб.

– Твоя семья – это я!

– Не уверен, – покачивает головой. – И ещё велик шанс, что дети останутся со мной. В этом случае, будь добра, плати алименты. У меня достаточно аргументов для суда, и денег на лучших адвокатов. А у тебя, Агаточка, есть что? Обида? – Он произносит это слово с таким презрением, будто это название постыдной болезни.

– Так что вот тебе мой ультиматум, – говорит он тихо, наклоняясь ко мне так близко, что я чувствую запах его парфюма. – Ты успокаиваешься. Ты поднимаешь это кольцо и надеваешь обратно. Ты идешь со мной на приём к губернатору через три часа, улыбаешься и играешь роль самой счастливой женщины на свете. А потом... потом мы можем обсудить твои претензии. Без истерик.

– Я ненавижу тебя, – вырывается у меня хриплый шёпот.

– Это не имеет значения, – отрезает он. – Любовь, ненависть – это эмоции. Они приходят и уходят. А общие дети, репутация и финансовое благополучие – остаются. Выбирай!

Он выпрямляется и протягивает руку ко мне руку ладонью вверх. Ждет. Это не просьба. Это приглашение вернуться в клетку.

Я смотрю на его руку. Потом на холодное золото на столе. Потом — в окно, где качаются на ветру белые, безупречные рододендроны.

Забавно. Я всю жизнь была пешкой на его шахматной доске, считая себя королевой. А ведь сейчас игра идёт не на жизнь, а на уничтожение. Чтобы когда-нибудь перевернуть доску, нужно сначала остаться в игре.

Мои пальцы, холодные и влажные, находят на столе гладкий металлический ободок.

Натягиваю кольцо обратно на палец. Оно садится туго, будто никогда и не снималось.

Это самый унижительный жест в моей жизни.

– Умница, – слышу я его голос. – Ты должна переодеться и умыться. И сделай, ради Бога, что-нибудь с этими красными полосами.

Я киваю.

Пусть думает, что победил.

7.

– Твой муж, конечно, молодец... – сидящая рядом со мной Рита склоняется к моему уху.
– Уверена, что в этом году статуэтка «Лучший бизнес» достанется ему.

– У него уже есть одна, – с усилием поднимаю уголок рта.

От Риты пахнет духами с пудровым вечерним ароматом и цветочным шлейфом. Я знаю эту марку: в отпуске в Дубае, пять лет назад, Рома купил мне такие же. Тогда это была новинка. Бесстыдно дорогая лимитированная коллекция.

И сейчас запах Риты напоминает мне о том времени. Я бы отвернулась от неё, но с другой стороны от меня с королевским величием восседает мой драгоценный супруг. Спина прямая, взгляд устремлён вперёд.

Я не поворачиваюсь в его сторону — боюсь, что не выдержу и закричу. Или заплачу. Но плечом чувствую: с его стороны веет таким холодом, будто там сидит не человек, а базальтовое изваяние.

Когда я всё упустила? Как так вышло, что сейчас я сижу, умирая от унижения, на премии, которую в мечтах представляла своей минутой славы? В прошлый раз Рома со сцены говорил прочувственную речь о том, что без семьи и крепкого тыла за спиной он бы не достиг ничего. А что он скажет сейчас?

– Серёжки у тебя просто шикарные, – она снова склоняется к моему уху, пока губернатор произносит пространные речи о достижениях экономики региона. – Муж подарил?

Я киваю, и Рита вздыхает. Мне слышится в этом вздохе зависть. Её супруг сидит рядом с ней, и ему никогда не выйти на эту сцену, а ей — не носить бриллиантовые серьги.

Эти серьги Роман подарил мне на десятилетие нашего брака. Они мне не нравились — слишком вычурные и громоздкие. Но сегодня он швырнул мне эту коробку и сказал, что я должна быть вызывающе счастлива.

Судя по всему, у меня получается.

Серьги отвлекают внимание от кислого лица. Кому какое дело до твоего настроения, если на тебе переливаются в свете огней несколько миллионов.

Я пробегаюсь взглядом по столикам. Здесь много знакомых, которым я всегда улыбалась на приёмах. Мне казалось, что мне повезло и меня окружают хорошие люди. Образованные, доброжелательные, вежливые.

Но сейчас мир окрашен в монокром, и на каждом лице я читаю зависть, похоть, жадность, тщеславие.

Мой супруг, который казался мне порядочным и надёжным, считает нормой изменять жене. Звонить в её присутствии своей шлётре. Шантажировать детьми — как само собой разумеющееся. Что тогда говорить об остальных?

Вокруг меня сидят одни лжецы.

– Смотри, сейчас ваша номинация! – шёпот Риты щекочет мне ухо. Она так и говорит — «ваша», будто у меня с Романом всё общее.

Я равнодушно отворачиваюсь от сцены и впииваюсь взглядом в мужа Риты — одного из заместителей Романа. Интересно, он тоже изменяет жене? Или держится за неё потому, что его пузо и более скромный доход не дают ему той самой сексуальной амнистии? Пожизненной.

– Люди, которые представлены в этой номинации, совершили настоящий прорыв и смогли нас удивить там, где, казалось бы, уже нет места удивлению... – надывается ведущий.

О да, мой супруг точно получит эту премию. Не сомневаюсь.

Пока ведущий цветасто представляет компании, за его спиной на экране мелькают логотипы, кадры, лица. Увидев фото Романа, взятое с их сайта — то самое, что показывала мне Лиза, — я впииваюсь ногтями в ладонь.

Ногти без гель-лака царапают остро и жёстко. Я сегодня без маникюра. Вот незадача.

Ведущий отходит от микрофона, уступая место губернатору. Тот уже держит в руках плотный конверт.

– Думаю, вы согласитесь, что более достойного кандидата не найти, – он доверительно склоняет голову, и по залу ползут волнительные шорохи. – Роман Бурцев!

Зал взрывается аплодисментами, и Рита меня тормозит. Её супруг, вскочив со стула, хлопает так, что у него трясётся брюхо. Наверное, Роман потом выпишет ему премию.

Люди вокруг оборачиваются и поздравляют, а я киваю, как китайский болванчик. Бриллиантовые серьги раскачиваются и, по всей видимости, делают меня счастливой.

– Самое интересное начинается, – Рита до боли стискивает мой локоть. – Я помню прошлую речь. Это было трогательно до слёз...

Да, я тоже помню прошлую речь. Интересно, тогда он уже изменял мне? Или говорил искренне?

Роман бодро поднимается на сцену, жмёт руку губернатору и принимает статуэтку. Поворачивается к залу и, прижав руку к груди, слегка склоняет голову.

Рита восторженно ахает. Да, в Романи много мужской харизмы, самцовой силы и уверенности, которая притягивает женщин. Наверное, многие в зале не отказались бы лечь под него в надежде получить внимание и покровительство.

С мужчинами он может быть обаятельным, надменным или жёстким — в зависимости от целей. Сейчас в зале много потенциальных партнёров, поэтому он само очарование. Эдакий перспективный и энергичный управленец, любимчик власть имущих.

– Хочу поблагодарить всех, кто отдал предпочтение мне в голосовании, – начинает он хорошо поставленным баритоном. – Эта победа значит для меня очень много. Если вы выбрали меня, значит, вы верите не только в меня, но и в устойчивость моей системы. В её фундамент. Любой успех держится на двух вещах: на прочном основании и на общей идее. Разрушь фундамент — и рухнет всё. Начни делить общее дело на «моё» и «твоеё», и оно рассыплется в прах.

Он выискивает взглядом наш столик и смотрит мне в глаза.

– Я благодарен своей команде. Тем, кто является частью нашего общего дела. Тем, кто понимает, что наша сила — в единстве целей. Выбор есть всегда. Можно быть частью чего-то большого и сильного. Или... разрушать то, что строили вместе. Я выбрал первое. И надеюсь, что люди, которые рядом со мной, каждый день совершают тот же выбор.

Зал снова взрывается аплодисментами. Рита вытирает слезу умиления.

– Какая глубина! – шепчет она с восторгом.

Я не шевелюсь. Во рту – тошнотворный медный привкус.

Он только что, перед лицом всего города, назвал меня потенциальным разрушителем общих целей. Публично напомнил о выборе. И все эти идиоты хлопают.

Роман спускается со сцены, и его взгляд, скользя по толпе, на секунду цепляется за меня. В нём – не вопрос, а требование отчёта.

Услышала ли? Поняла ли?

Я медленно, преодолевая оцепенение, подношу ладони и начинаю хлопать. Тихо. Методично. Бриллианты в ушах бьются о щёки, как кандалы.

8.

Подхватываю бокал шампанского с подноса мимо пробегающего официанта и делаю глоток.

Роман стоит рядом. Ровно настолько близко, насколько положено по светским приличиям.

После вручения он не сказал мне ни слова. Мы никогда не были с ним так далеко друг от друга.

Или были, просто я не замечала?

Обегаю взглядом зал и снова подношу бокал к губам.

Кривлюсь. Нет, шампанское не кислое, но меня подташнивает от этой ярмарки тщеславия. Высокомерные мужики, закованные в свои смокинги и костюмы, а рядом с ними законные супруги.

Иногда я натягиваю на лицо вымученную улыбку и легко киваю знакомым. Но разговор поддерживать не в силах.

Обычно я мило щебечу с женщинами, пока Роман обменивается с «пингвинами» рукопожатиями и стандартными фразами.

– Ваш супруг большой молодец. Геннадий его очень ценит, – супруга мэра бросает красноречивый взгляд на награду, выглядывающую из моей сумочки, и громким шёпотом добавляет. – Вот бы все были такими, как он.

Скрипичный квартет, наверное, хорош. Но сегодня от современной обработки Моцарта страдают мои уши. Зачем так издеваться над классикой?

– Вы согласны?

Она доверительно касается моего предплечья, и я вздрагиваю.

– Что?

– Я говорю, что и я, и Геннадий, хотели бы, чтобы таких, как Бурцев, в городе было больше.

С недоумением смотрю в её лицо. Мне хочется расхохотаться, но я пока ещё сдерживаюсь. Только плечи вздрагивают.

– А вы думаете их мало? – с интересом склоняю голову. – Да их полным-полно!

Она моргает в недоумении. Я не помню, как её зовут. Возможно, она тоже не знает моего имени.

Мы – просто приложение к нашим мужьям. Комнатные собачки, как заявил мой великопный супруг. И эта женщина, с мелкими морщинами у глаз и строго поджатыми губами, тоже собачка. Старая, потасканная и надоевшая. Но не выкидывать же её за порог, чтобы привести в дом новую и молодую сучку.

Люди не поймут и осудят.

Подхватываю её под руку и увожу в сторону. Наши мужья бросают на нас беглый взгляд и, мне кажется, я ловлю одобрение в глазах Романа.

Да, именно так и должна себя вести порядочная дама из высшего света.

– Мне интересно, как вам изменяет ваш супруг?

Проходя мимо одного из «пингвинов», который широко разводит руки-крылья, видимо демонстрируя соратникам размер грядущей прибыли, всовываю в его ладонь свой пустой бокал в ладонь. Тот машинально его хватает и затыкается.

– Не поняла... – моя спутница резко останавливается. – О чём вы сейчас, Агата?

Ох, как неловко. Жена мэра знает моё имя, а я её – запомновала.

– Я имею в виду, что ему явно трудно скрывать свои похождения. Его же все знают, отель не снять... Может быть на работе? Прямо в кабинете...

Её лицо покрывается бордовыми пятнами.

– Как вы...

– Да бросьте, – беру её руку в ладонь и ласково похлопываю, – вы всё понимаете. Наверное, у его секретарши ноги от ушей и пентхаус в центре города, да?

Она молчит, только по тощей шее ходит комок, вверх и вниз. Неужели я попала в цель?

– А у моего, – вздыхаю, – маникюрша, представляет. Такой позор. Правда, ещё другая жена есть, возможно, хоть там краснеть не придётся.

– Я пойду, – она выкручивается, и мелко семенит обратно к супругу, боязливо оглядывается на меня через плечо.

Здесь сплошные лжецы, начиная со струнного квартета, который переврал Моцарта.

– Дай-ка сюда! – хватаю ещё один полный бокал у официанта и одним глотком вливаю в себя половину.

Кошусь в сторону Романа. Супруга мэра тянет мужа за рукав и, привстав на цыпочки что-то шепчет ему в ухо.

Понеслось!

Значит, Роману можно позорить меня. А мне его – нет?

Комнатные собачки могут быть очень злыми, если зажать их в угол. А зубы у них пусть и мелкие, но очень острые!

Решительным шагом направляюсь к музыкантам.

– Ребята, вам же инструмент не нужен? – Махаю бокалом в сторону рояля, и несколько капель проливается на виолончелиста.

Смычок ползёт вверх, безбожно фальшивя.

Две скрипачки переглядываются и замолкают. Только альт мужественно пытается тянуть свою партию, но это звучит жалко.

С глухим стуком ставлю недопитый бокал на крышку и откидываю клап рояля. Вокруг воцаряется мертвая тишина. Слышно, как где-то у окна кто-то громко шепчет.

– Жена Бурцева...

– Классику не надо портить, – нравоучительно сообщаю музыкантам. – Послушайте, как надо.

Всовываю виолончелисту сумочку с наградой и сажусь на стульчик.

Зал молчит в ожидании. Наверное, ждут от меня фееричного выступления. Не может такая благовоспитанная дама ничего учудить.

А вот и фигурки!

Крутанувшись на стуле, поворачиваюсь к залу. Никакого шевеления. На меня смотрит не менее сотни лиц. Даже официанты стоят столбами.

Нахожу Романа и мило улыбаюсь. У него лицо блее манишки, и это меня радует.

Не ожидал, да?

– Вальс комнатной собачки, – торжественно сообщаю я и прикладываю руку к груди. – Исполняется впервые!

Изящно подняв руки над клавиатурой, опускаю их с красивым аккордом и, закрыв глаза, откидываюсь назад. Когда звук тает, отражаясь от стен и колон, подаюсь вперед.

...И бацаю залихватский собачий вальс!

Первый проигрыш мне дают сыграть в полнейшей тишине, потом шум нарастает, так же, как и темп моего исполнения.

– Что происходит?

– Уберите её!

– Так задумано, я не поняла?

– Пьяная что ли?

Две скрипачки тянут меня за плечи, пытаюсь оторвать от клавиш. Но я, смеясь, пытаюсь дотянуться до рояля и закончить то, что начато.

А потом всё сливается в калейдоскоп лиц, лепнины, бокалов, закусок... Кружится водом вокруг моего лица.

Это всё нереально. Есть только крепкие руки Романа, который тащит меня под мышки, и его гневный шёпот.

– С ума сошла! Ну, я тебе устрою!

9.

– Ну, и как состояние?

Не размыкая глаз, машу ладонью, чтобы прогнать из своего сновидения мужа.

Я хочу заткнуть Романа раз и навсегда, но он продолжает надоедливо что-то мне втирать. Мозг превращает его слова в кашу. Но я помню, что сильно на него обижена. Он мне сделал что-то плохое. Настолько плохое, что видеть его не хочу. Слышать, тем более!

– Давай, поднимайся! – меня трясут за плечо.

Поворачиваюсь на бок и приоткрываю один глаз. Яркий поток света выбивает непрошеные слёзы, и я с глухим мычанием утыкаюсь лицом в подушку.

– Задолбала! – под ухом злой рык. – Поднялась, быстро!

Меня не очень вежливо подхватывают под мышки и к горлу подкатывает тошнота. Ой, как погано!

Сажусь на кровати и, щурясь, смотрю на Романа. Трясу головой и отворачиваюсь. Воспоминания накрывают волной.

Бравурный собачий вальс, возмущённые крики и его крепкий захват. Морщусь и потираю правую руку, на которой расцветают бордовые пятна.

– Я от тебя такого не ожидал...

Мне не стыдно, нет. Для стыда нужно признать свою неправоту. А я была права. Права в своей мести.

Романа не вывести из себя истериками и просьбами. Бесполезно взывать к его совести. Единственное, что его волнует – репутация. И у меня была только одна возможность её подмочить.

Подсознательно я искала возможность сделать ему больно. И, видимо, нашла, раз он так зол.

Его предательство пылает во мне раскалённым шаром, и вчерашнее шампанское полыхнуло маслом в этом огне. Да, я опозорила его. Но сначала он опозорил наш брак, наши клятвы.

– Мне плевать, чего ты от меня ждёшь, – бормочу, ища ногами тапочки.

Мне срочно нужно в душ. Подхватываю тапки пальцами и ныряю внутрь ногами.

Покачиваясь, встаю. Перед глазами тёмные пятна.

– Может водички? – издевающийся голос рядом.

Господи, он уйдёт или нет?

Нехотя поворачиваюсь в его сторону. Роман выглядит безупречно. В белоснежной футболке-поло и наглаженных брюках со стрелками.

Только челюсть сжата так сильно, что жилы на шее выступают резкими линиями. Демонстративно приглаживает волосы с проседью, глядя на меня.

– Пять минут, я приведу себя в порядок, и поговорим, – хриплю, направляясь в ванную.

– Стоять! – гаркает муж, хватая меня за запястье.

Я ойкаю, боль от свежих синяков пронзает меня насквозь.

– Ты никуда не пойдёшь! – Даже не собирается меня отпускать, ещё сильнее выкручивает руку. Кажется, у меня кости хрустят.

– Мне больно, – пишу.

– Не-ет, – он зло смеётся. – Больно это было мне, когда оказалось, что вместо благовоспитанной леди, мне досталась пьяная шалупонь!

– Шалупонь – это твоя маникюрша!

– Лиза – никто, просто девка для снятия стресса. У всех мужчин моего круга есть такая. И не одна...

Он зло толкает меня, и я падаю на кровать.

Да, я сама напросилась на грубость. Но, если он ждал, что я встречу новости о его изменах с благородной выдержкой, то зря.

Когда Романа накрывает ярость, с него слетает маска напыщенного высокомерия, но лучше бы я не видела его настоящего. Потому что сейчас он похож на распахавшегося носорога, который прёт, сметая всё на своем пути.

– Как же мне это всё обрыдло, – привычно смотрит на меня. – Я сожалею о каждом утре, когда просыпался и видел тебя рядом.

Я не пугаюсь его слов. Я пугаюсь его оскала и чёрных пустых глаз, которые смотрят на меня, как дула пистолетов.

Он сейчас мне шею свернёт одним движением, и ничего его не остановит.

– Тебя видели все! Ты – жалкая подделка под женщину, – продолжает он добивать меня словами.

Воздух вырвался из лёгких, словно от удара.

Жалкая подделка...

Нет, подделка, это твоя жизнь, Роман! Глянцевая картинка для дураков. А я – настоящее. Моя боль – настоящая. Твоя ложь – настоящая. И этот брак сгнил из-за тебя насквозь...

Но сказать это нет сил.

– Потом... – выдыхаю, и голос хрипит от подступающей желчи.

Роман с отвращением морщится и отходит в сторону.

Пошатываясь, бросаюсь в сторону коридора, нащупываю рукой косяк ванной, вваливаюсь внутрь и с грохотом захлопываю дверь, едва успев повернуть задвижку.

Первые судорожные спазмы уже сводят желудок.

10.

Выхожу из ванной, придерживая на голове тюрбан с полотенцем.

Тёплый душ меня расшевелил, смысл гадливое ощущение в теле. Но не оживил. Возможно, я навсегда мертва.

Роман так и стоит у стены. Одна нога небрежно опирается на носок, рука в кармане. Поза хозяина мира. Не хватает сигары во рту и пистолета за ремнём, для создания образа чикагского гангстера.

Провожает меня недружелюбным взглядом, будто я чужак, ворвавшийся на его территорию.

Очевидно, к ненаглядному супругу вернулась привычное высокомерие. Он всегда такой с подчиненными, партнёрами. На хромой козе бояться подъехать. Ещё бы такой неприступный и гордый властелин мира.

Только я знала его другим. Наверное, это было в другой жизни.

Но и я теперь не милая кроткая жена, его тайная жизнь развязала мне руки. Я чувствую себя свободной в праве говорить и делать, что хочу.

Демонстративно чуть задеваю его плечом, проходя мимо. Он лишь хмыкает. А мне даже хочется, чтобы он кричал, злился, топал ногами.

Когда человек злится, ему не всё равно. И даже утренняя ярость Романа лучше, чем эта снисходительная ухмылка.

Сажусь перед туалетным столиком и развязываю тюрбан. Методично сушу волосы полотенцем.

В отражении я вижу, как он подходит ко мне. На лице всё та же пластиковая улыбочка. Дождавшись, когда я отложу полотенце в сторону, кладёт руки мне на плечи и вглядывается в лицо.

– Я был неправ, Агата, – голос обволакивает бархатистой мягкостью.

Тёплые руки на моих плечах сжимают ключицы.

– Я был неправ, – склонившись надо мной, касается губами мокрых волос.

Возможно, не будь у меня свинцового похмелья, я бы вскочила, и заключила его в объятия. Это не извинение, но слышать от Романа такое – это уже подобно чуду.

Обернулась бы, впилась в него, вдохнула этот знакомый, дорогой запах и позволила бы себе забыть. Стереть всё, как плохой сон. Забыть, как страшный сон вульгарную Лизу и фото у машины. И начать всё заново...

Это был бы такой сладкий, такой легкий путь назад.

Но тело не обманешь. Оно не рвётся навстречу. Оно съёживается, будто ожидая удара. И когда первый шок от этих слов проходит, вставать и обнимать уже не хочется. Хочется только, чтобы он убрал руки.

Роман поднимает голову, и в глазах нет улыбки. Это выглядит страшно. Белозубый оскал хищника и взгляд – пустой, как колодец.

И ниже в отражении моё бледное, опухшее лицо.

Зеркало ловит нас в одну рамку – его холодную маску и моё живое страдание. Два экспоната для коллекции под названием «Неудачный брак»

– Неправ? – приподнимаю бровь.

Нервно комкаю на коленях тяжёлое мокрое полотенце.

– Да, – смотрит на меня, и пальцем ведет по моей щеке. – Я должен тебя поблагодарить, моя милая жена.

Склонившись к моему плечу, вглядывается в мои расширенные от ужаса зрачки. У меня по позвоночнику ползут ледяные черви.

Это точно не Роман! У моего мужа никогда не было такого жуткого взгляда. Я видела его строгим, злым, разочарованным. Но сейчас он страшен!

Может быть его укусил Дракула? Или он стал жертвой экспериментов тайной лаборатории?

Я дёргаюсь. Мне показалось, что он сейчас наклонится и перегрызёт мне сонную артерию. Взгляд у него именно такой.

– За что? – сиплю. – За что поблагодарить?

Нарочито сильно встряхиваю волосами и влажной прядью прохаживаюсь Роману по лицу. Он отшатывается, схватившись за щёку

Почему-то это меня приводит в чувство. Что я придумала, дурочка? Он мой муж, он не сделает мне ничего дурного.

Хотя, я была уверена в том, что Роман – ответственный семьянин, человек, помешанный на своей работе. А вот, как оказалось...

Я с удвоенным, почти истеричным усердием тру волосы, не отрывая взгляда от его отражения.

– Ты мне облегчила задачу, – Роман отходит, поворачивается ко мне спиной, и я выдыхаю с облегчением. Смотреть на его спину намного легче.

– В чём же? – стараюсь звучать непринуждённо.

– Я набросился на тебя с самого утра. Но ты должна признать, мне было из-за чего злиться.

Пожимаю плечами.

– Я неправ в том, что поддался чувствам и наорал на тебя.

– Спасибо. Извинения приняты, – автоматически произношу.

– Я же, чёрт возьми, должен был тебе букет купить в награду.

– В следующий раз, сыграю что-нибудь более проникновенное, – когда мне страшно и неловко, я всегда стараюсь шутить. Это дурацкая привычка, я знаю. Но так мне проще защититься.

– Ты думаешь, я зол из-за вчерашнего? – Роман поворачивается к зеркалу, и я снова цепенею. – Я благодарен тебе! Наконец-то ты показала своё истинное лицо, и у меня есть железное оправдание, чтобы вышвырнуть тебя из своей жизни. Ты не жена. Ты – наказание, которое, слава богу, кончилось. И теперь меня никто не осудит за развод.

11.

Развод! Страшное слово сказано, а внутри, благодаря похмельной анестезии, ничего не ёкает. Только ледяная пустота под рёбрами.

Рома больше ничего ко мне не чувствует.

Его натянутые улыбки, дежурные поцелуи на прощание и совместные ужины были лишь маской. Он играл роль отца семейства. А настоящая жизнь проходила за стенами нашего дома.

И теперь он хочет избавиться от надоевшей роли.

– Я оставлю тебе этот дом, – Роман не оборачивается. Его голос, ровный и деловой, разрезает тишину. – И достойное содержание. Чтобы ты ни в чём не нуждалась.

Беззвучно смеюсь и кутаюсь в мокрое полотенце, которое лежит на плечах.

Рома так и не поворачивается ко мне, и я вижу лишь очертания спины. Плечи держит прямо, руки глубоко спрятаны в карманах дорогих брюк, взгляд направлен в окно.

Рассматривает горизонты новой жизни?

– Красиво, Ром... Очень красиво. Разведёшься с опустившейся женой, но, как честный и благородный мужчина будешь её содержать до конца её дней.

– Именно так, Агата. Ты всё правильно поняла.

Он медленно, не торопясь, поворачивается. Спокойный монстр со стальными глазами.

Заставляю себя выдержать его тяжёлый взгляд.

– Всё хорошо придумал, Рома. Знакомые, будут сочувственно вздыхать, и перешептываться на званых вечерах. Мол, бывшая жена Бурцева опять чудила, но он такой молодец. Не бросает больную на голову женщину...

– Зришь в корень. Ты всегда была неглупа.

– Неужели ты думаешь, что развод – это так просто?

– Я не думаю, я это точно знаю, – отрезает он. – Я начну всё заново, а ты будешь сидеть и размазывать сопли по лицу.

От этой жестокой «правды» меня чуть не выворачивает. Почему он так со мной?

Мы же выросли, практически, на глазах друг у друга. У нас общая молодость, одни на двоих воспоминания...

Да, я ёрничаю, но неужели нельзя со мной мягче? Хоть немного уважения к прожитым годам?

Будто не было прожитых лет, общего дома, наших девочек... Будто я была не союзником, а досадной помехой, которую теперь пинком отшвыривают с пути.

– Если бы у меня был сын, – продолжает, словно озвучивая давно заученную речь, – возможно, я бы нашёл смысл сохранить брак. Но жена-истеричка, не способная родить наследника мне не нужна.

Тихо хмыкаю. Ну вот, уже второй раз меня упрекают в том, в чём я не могу быть виновата.

Ну конечно! Девчонки же все, как одна, выходят замуж, меняют фамилию, уходят из родительского дома и превращаются в таких же бесполезных комнатных собачек, как и я. То ли дело, мальчишки... Это же совсем другое!

– Я не собираюсь тебя держать... И не держала бы, будь у меня хоть пять сыновей.

Он резко делает шаг вперёд, каблук злобно скрипит по паркету.

– Но их нет!

Мои руки сами тянутся к косметичке на туалетном столике. Мне физически необходимо что-то сжимать в ладонях, или я не выдержу, и вырву из стены торшер и с криком разобью его об голову Романа.

Достаю пуховку, и прохожу по лицу. Пусть думает, что моя бледность от пудры.

– Ничего, – похлопывающими движениями успокаиваю себя, заставляя монотонно проносить слова. – Времени у тебя достаточно. Ты можешь настрогать еще двадцать детей от пятнадцати разных маникюров.

Он стремительно преодолевает расстояние между нами. Его дыхание касается моего виска, когда он наклоняется, вглядываясь в моё отражение.

– Не будь душой, – шипит с фальшивой снисходительностью. – Лиза – просто способ снять стресс. Она мне не нужна. Мне нужен сын только от *любимой* женщины.

Боль прорывает похмельный барьер. Поворачиваюсь к нему и поднимаю голову, заглядываю в глаза. Скольжу взглядом по знакомому до каждой чёточки лицу, пытаюсь найти хоть намёк на ложь, на шутку...

Нет! У истуканов с острова Пасхи больше эмоций на лице, чем у некогда любимого человека.

Мне хочется опять унижить его. Если бы я могла повторить свой пассаж с роялем, я бы сделала это не задумываясь. Только больше на светские мероприятия я не попаду.

Как разведённая женщина я буду лишена возможности позорить его прилюдно. Если буду скандалить, только разозлю. Он прекратит наш разговор, и я лишу себя последней возможности уколоть его напоследок.

Хотя я уже его уколола. Родила девочек, чему сейчас безумно рада. Пусть этот засранец, помешанный на своём наследнике, немного пострадает.

– Засунь ты себе этот дом знаешь куда... – шиплю прямо в его наглое лицо. – И деньги!

– А это даже не тебе, дорогая. Я хочу, чтобы дочери ни в чём не нуждались. И я не собираюсь устраивать громкие скандалы с разделом детей. Принято, что дети остаются с матерью, и я не собираюсь нарушать этот порядок. К тому же, так и тебе, и девочкам будет легче.

– А тебе будет проще строить новую жизнь, правда?

– Не без этого.

– А, - тяну с деланным равнодушием, – так наш мальчик собрался жениться снова?

– Тебя это не касается.

Но по изменившемуся тону понимаю, что я попала в точку.

– И кто она? Та таинственная незнакомка, которую твоя любовница приняла за жену?

– Не твоё дело, я сказал...

– И сколько сыновей вы планируете? Пора начинать. Ты уже немолод...

– У неё уже есть сын!

Медленно откладываю пуховку. И зажимаю дрожащие руки между колен. Меня накрывает ощущение вакуума и звенящей пустоты.

12.

– Кто она? – Губы, как ватные. С трудом произношу слова.

– Говори нормально, не бубни.

Столько презрения в его словах и тоне, а ещё накопившейся злости, что хочется пойти и снова помыться.

Я встаю с креслица, кончики пальцев скользят по шершавой кожаной спинке.

Останавливаюсь перед Романом, задираю подбородок и вглядываюсь в его глаза.

– У вас есть сын? – выговариваю каждую букву чётко, как диктор центрального телевидения.

Мне сейчас не страшно. Вообще ничего не чувствую, будто кто-то выключил все предохранители в теле.

Наверное организм, истощённый истерикой, спрятал свою последнюю нервную клетку в глухое, недоступное место. Бережёт меня. Ограждает от чёрного моря тоски, которое уже плещется где-то у самых висков.

– А это не твоё дело тоже!

Я не моргаю. Потому что знаю – стоит опустить веки на долю секунды, и слёзы хлынут потоком, смоют всё. А я не имею права плакать сейчас.

– Ты врёшь. Мстишь мне за то, что опозорила перед своими знакомыми, перед губернатором. И знаешь что? Я не жалею. Ни капли.

Щёки болят от натянутой, неестественной улыбки. Улыбаюсь радостно и идиотски, как клоун на похоронах. А у Романа на щеё резко выступают жилы. Он медленно, с показным спокойствием приглаживает седеющие виски, и я вижу, как дрожат его пальцы от ярости.

И меня радует то, что он ведётся на мои провокации.

Я сейчас дразню носорога, втыкая ему зубочистку в ноздрю. Зубочистка для носорога – мелочь. Главное знать, куда ткнуть.

– Будь у меня возможность, я бы повторила своё выступление. А ты? Сможешь повторить свою ложь о сыне?

У Романа дёргается нижнее веко. Почти незаметно.

– Её зовут Юля. И да... у нас есть сын.

В голове что-то шелкает, и всё внутри рассыпается на мелкие, острые шестерёнки. Они разлетаются, катятся в разные стороны, царапая изнанку черепа. Теперь я точно понимаю, что значит «мысли разбегаются».

Юля. С ребёнком.

Листаю в памяти каталог знакомых Юлей. Всплывает в памяти только пышущая здоровьем повариха, которая когда-то готовила нам борщи. И мой тренер по йоге — гибкая, аскетичная женщина, которая вчера с лёгкостью показывала мне Сарванганасану и говорила о свободе от привязанностей.

– Сколько лет твоему сыну? – голос срывается в хриплый шёпот, воздуха не хватает.

– А это, милая, точно тебя не касается! – Роман протягивает руку и легонько, почти игриво, тычет подушечкой пальца в кончик моего носа. Глаза поблёскивают холодным, довольным торжеством.

Вот же засранец. Принял правила моей игры в «дразнилки» и выиграл.

– Касается! – крик вырывается сам, рвёт горло. – Это касается меня! Потому что я хочу знать, нагулял ты его в браке или ещё до того, как на мне женился?

– А ты попробуй, выясни! – Он уже откровенно ржёт мне в лицо, и его дыхание пахнет утренняя кофе.

Если это месть за премию, то жестокая и эффектная.

Да, я хочу знать, как давно это длится. Само появление сына Романа для меня неожиданность, но и время тоже важно.

У нас были хорошие счастливые моменты. И, боюсь, что я умру, если узнаю, что Рома бегал налево ещё в те времена, когда я была беременна Стешей. Или десять лет назад, когда у него впервые выдался отпуск длинной в целый месяц, мы поехали в Китай. Или пять лет назад, когда мы построили дачу, а он принёс мне букет колокольчиков.

– Сколько ему лет?!

Роман молчит. Только ухмылка становится шире.

И тогда во мне что-то ломается. Я сгибаюсь пополам, как будто меня ударили кулаком под дых. И кричу. Звук рвётся из самого нутра, дикий, хриплый, нечеловеческий. Я раскрываю рот в беззвучном вопле, а потом он наполняется рёвом.

Я не слышу осторожного стука в дверь. Лишь краем затуманенного зрения замечаю, как в щель просовывается испуганное личико Стеши. Задыхаюсь, хриплю, колени подкашиваются, и я падаю на пол.

– Мам... – голос Стеши тонкий, дрожащий. Она переводит растерянный взгляд с меня на отца. – Я хотела зарядку для телефона попросить. Тебе плохо?

– Нет, солнышко. – сиплю. – Просто живот заболел.

Рома, как заботливый супруг, усаживает меня на край кровати, сам садится рядом. Его ладонь тяжело и невыносимо держит меня под локоть.

Стеша не уходит. Напряжённо на нас смотрит.

– Всё хорошо, малышка, – Рома улыбается. – Просто мы с мамой должны тебе кое-что сказать.

13.

Мы сидим с Ромой, как нашкодившие первоклашки, рядом на кровати. Не дыша от волнения, запахиваю на себе халатик.

Бросаю на бледного Романа напряжённый взгляд. Глаза запали, скулы ещё больше заострились, не лицо – а жестокая маска. Он выглядит постаревшим и уставшим, и меня это пугает.

Только что он асфальтовым катком проехал по моей женской гордости, вдавил её в грязь. Неужели и Стешу закатает?

– Зарядку не могу никак найти, представляете? – лепечет Стеша, заподозрив что-то неладное. – Пап, у тебя же есть запасная...

У Стеши наушники спущены на шею, и слышно, как в динамика бьется какой-то бодрячковый бит. А у неё глаза испуганные, как у зверька, которого загнали в угол.

– Мам! Пап! – голос у неё ломается. – Что-то случилось, да?

Она дёргает наушники с шеи, и бросает их в угол. Музыка захлёбывается, но не замолкает – глухое «унц-унц» продолжает тикать, как бомба с таймером.

– Милая, – Рома встаёт и подходит к ней, кладёт руку на голову, и Стеша непроизвольно дёргается. Бросает на меня загнанный взгляд. – Дело в том, что...

Роман сглатывает. По его шее ходит кадык, и я слежу за этим движением с каким-то болезненным вниманием, будто сейчас из его горла вырвутся слова, которые навсегда перекроют мир моего ребёнка.

Я не хочу, чтобы он говорил. Не так. Не тем же равнодушно-насмешливым тоном, каким только что швырял мне в лицо слова, как грязную тряпку.

А он может! Я это сейчас отлично понимаю. Мы же, женщины, для него люди второго сорта. Обслуживающий персонал, развлечение...

– Твой папа как раз рассказывал мне, что у тебя есть брат. – Сиплю на выдохе.

Рома скрежещет зубами, и я понимаю, что он недоволен. Эту новость должен был преподнести он сам!

Но я не хочу, чтобы он рассказывал ребёнку, как ему важен сын, или как я ему омерзительна, потому что опозорила его на весь город.

– Нас ждёт развод, — добавляю я быстрее, чем успеваю испугаться собственных слов. — Но мы тебя очень любим. Оба.

– Нет, – кричит Стеша. – Нет, нет!

– Мама права, – ровным тоном сообщает Роман, при этом посылает в мою сторону такой взгляд, словно я предала его самым подлым и бесчестным образом.

Стеша бросается в угол, подбирает наушники и пальцем ищет кнопку усиления громкости.

– Нет, – верещит. – Нет!

Прижимает наушники плотно к голове и топает ногами.

Роман подлетает к ней и одним движением сдирает наушники с головы.

– Не смей так себя вести, – орёт на неё. – Да, у меня есть сын, а у тебя – брат!

– Отдай, – Стеша в прыжке пытается достать наушники, будто они защитят её от крушения мира. Но Рома только выше поднимает их над головой.

– Твоего брата зовут Стёпан, и он учится на третьем курсе, – рычит, словно потерял остатки разума.

Как бы ни было больно наблюдать за страданиями Стеши, в голове щелкает.

Это было до нашей свадьбы. У него взрослый сын. Но почему Рома не с его матерью? Почему он бежит по маникюршам?

Голова гудит. Вопросы, которые сверлят мне мозг, крик Ромы, визг Стеши – всё сливается в один низкий, давящий шум.

– И да, мы разводимся с твоей мамой, хочешь ты этого или нет. Но на тебе это никак не скажется. Ты будешь, как и раньше жить с мамой, ходить в школу, и...

– Замолчи, замолчи! – верещит Стеша и садится на пол, зажимая уши руками.

Она отказывается верить в жестокую правду, что теперь она больше не папина любимица. У Романа есть сын, о котором он так мечтал, и теперь девочки остаются с мамой. Ее мозг просто отсекает признание Ромы и не принимает их.

Своим детским чутьем она, наверное, уже давно уловила, что для отца она просто суррогат настоящего ребенка. Не продолжение рода, а забавная игрушка.

– Святослава, прекрати истерику! – Роман со всей силы швыряет наушники в стену, слышен хрупкий треск пластика.

Визг Стеши переходит в утробный вой. Я не могу это слышать. Бросаюсь к ней, и обнимаю, охватываю голову руками, целую, прижимаю к себе.

– Я здесь, – шепчу. – Я с тобой. Слышишь? Я никуда не денусь.

– Шо шушилось?

В комнату врывается Ксюша. У неё из-за рта торчит зубная щётка.

14.

– Ксения, приведи себя в порядок! – гаркает Рома. – Как видишь, у нас здесь не потоп, и не пожар.

Ксюша ошалело опускает руку со щеткой вниз, у нее в углу рта белая пена, делающая её похожей на взбесившегося пуделя.

Переводит взгляд с меня на Романа и обратно, глаза непонимающе бегают, будто следят за мячиком в пинг-понге.

– Они разводятся, – голосит Стеша в моих объятиях. – Папа уходит к своему сыну!

– Что? – брови Ксюши, кажется, сейчас улетят со лба. Щётка падает на дорожный ковёр, размазывая по нему пасту. – К какому сыну?!

– Святослава, прекрати врать, я такого не говорил, – Роман морщится, словно от зубной боли. – Ни к какому сыну я не ухожу.

– Потому что на хрен ты ему сдался, так? – верещит Стеша, захлёбываясь слезами и уткнувшись мне в грудь. – Он жил без тебя и дальше проживёт!

– Именно так. И с вами обсуждать я это не намерен. – Качнувшись, Роман проводит рукой по волосам. – Во всяком случае не сейчас, и не в таком тоне.

Тяжело ступая, он выходит из комнаты, чуть задев плечом замершую Ксюшу.

Она даже не покачивается. Только механически поворачивается, как флюгер, не спуская с него взгляда.

– Развели здесь трагедию, – цыкает Рома через плечо, – после завтрака поговорим.

Дверь громко грохает.

Ксения сглатывает и отмирает.

– Охренеть... – трясёт головой. – Что это было?

К сожалению, ответить ей некому. Мы со Стешей тоже хотим узнать ответ на этот вопрос.

Ксения негнушима роботом двигается в нашу с Романом ванную. Чуть не спотыкается на пороге и ещё раз оборачивается на меня, будто сомневается, что ей всё не почудилось. Через секунду шум воды заглушает всхлипы Стеши.

Глажу Стешу по вздрагивающей спине и смотрю на разводы зубной пасты на ковре. Я внутри пустая, как выпотрошенная кукла, и почему-то не могу отвести глаз от этой неправильной белой кляксы на бордовом ковре.

Ксюша появляется через пару минут. Лицо чистое, влажные короткие волосы аккуратно зачёсаны назад, брови сурово сведены на переносице. Почему-то она так похожа на молодого Рому сейчас, хоть и девочка, что у меня даже мороз по коже.

От неё фонит ледяной деловитостью – ни дать, ни взять антикризисный менеджер, пришедший на пепелище семьи. Только пижама в трогательный цветочек немного портит образ.

Поднимает зубную щётку и деловито суёт её в карман пижамы. Розовые тапочки грозно попирают белое безобразное пятно.

– Мам, я не поняла. Это правда?

Пожимаю плечами. Мне бы кто-нибудь объяснил.

Говорить не хочется. Хочется лечь, закрыть глаза и исчезнуть.

– Правда, что у отца сын объявился? – продолжает допрос Ксения, и в её голосе звякает металл. – Он себе кого-то на стороне завёл?

– Да, завёл, – с трудом разлепляю сухие губы. Каждое слово дается с болью, будто я выплевываю битое стекло. – И сын есть. Степан, на третьем курсе учится.

Глаза Ксении сужаются.

– На третьем курсе? – переспрашивает она, и я словно вижу, как в её голове крутятся шестерёнки калькулятора. – То есть он старше меня? Мам, отец что, жил с нами и платил им?!

– Не думаю...

Да, вряд ли Рома стал бы такое скрывать. Да и я не стала бы сильно трепыхаться по поводу брачной связи. Он же не обязан был с рождения хранить мне верность.

Ксения выдыхает, как мне кажется, с некоторым облегчением.

– Наверное, кто-то из бывших папиных подружек что-то наплёл. Ну, чтобы деньги потрясти. Он и поверил...

– Ксюш, давай не сейчас, – глазами показываю на Стешу, прижавшуюся ко мне.

Вообще-то я уверена в том, что Роман не стал бы афишировать взрослого ребёнка, если бы не был уверен в этом на сто, нет, на тысячу процентов.

Наверное, там не один ДНК тест сделан в разных лабораториях, чтобы исключить ошибку.

Видимо, Ксюше тоже эта мысль приходит в голову.

– И почему он только сейчас об этом говорит? – потирает лоб и тут же спохватывается. – Может эта баба ему ничего не говорила?

– Ксюша, я не хочу сейчас это обсуждать, – пытаюсь оборвать дочь, но у меня не получается гаркать так зло и сердито, как Рома.

– Ты говоришь, у него, хм... Другая женщина появилась?

– Стеша, посмотри, как там отец? – пытаюсь сплавить младшую подальше от этого униительного для меня вопроса.

Да, я не готова сейчас вместе с дочерями обсуждать с кем спал их отец. Не хочу вместе с ними рыться в этом дерьме и с упоением обсуждать подробности. Мне это кажется гадким и грязным. Особенно, когда на плече ещё горит мокрое пятно Стешиных слёз.

Какой бы Роман ни был, но он их отец. Это наше с ним дело, не их!

Только прижимая к себе Стешу, чувствую, как она каменеет от моей просьбы.

– Мама, я никуда не пойду. Не держи меня за дуру!

– Что ты, милая, я и не собиралась...

– Он завёл себе другую женщину, но не мать его сына, так? – Ксения грозно скрещивает руки на груди.

– Да, я так поняла... – отвожу глаза в сторону.

– Мама, да хватит уже! – взвизгивает Ксения. – Ты сидишь здесь и блеешь, а у тебя под носом происходит черти что!

– Не ори на маму!

– Заткнись, мелкая! – Ксения нервно смеётся. – Вы что, не понимаете, что это всё значит? – Она обводит руками комнату. – Наш папочка решил начать общение с кровиночкой-переростком... Офигеть!

– Папа к нему не уходит, – робко возражает Стеша. – Он так сказал.

– Да потому что явно у переростка давно другая семья! Другой отец! Чего не понятного? Его же другой мужик воспитывал. Иначе мы бы уже давно о нём знали.

У меня в голове щелкает тумблер, освещая закоулки заплывшего мозга.

Точно, ведь Ксюша права. Роман недавно узнал о своём взрослом сыне, иначе в курсе были бы все! А я – в первую очередь. Он не из тех, кто рожденного еще до брака ребёнка замёл бы под коврик.

И Рома бежит по маникюршам, потому что... Потому что...

В висках стучит. Во рту вдруг становится очень сухо.

– Девочки, идите к себе. Пожалуйста!

– Мам, я не оставлю тебя, – цепляется за меня младшая.

– Значит, папочка, связался со своей первой любовью, – продолжает рассуждать Ксюша. Там уже есть готовый взрослый сын. Наследник... – в её голосе едкая язвительность. – Инте-

ресно, куда бывший папаша этого наследничка делся? Ну тот, который его воспитывал? Развелся с его мамой или господин Бурцев решил другими методами устранить конкурента?..

В ушах нарастает звон, который превращается в турбинный рёв. Затем всё сменяется тишиной, в которой гулко бьется мое сердце.

– Мама, алло! – Ксения щелкает пальцами у меня перед носом. – Ты меня слышишь? У нас проблемы похлеще развода. У нас тут новый член семьи нарисовался!

– Мне всё равно...

Меня опять тошнит, голова кружится. В носу горячо и гадко.

Ксения, заглядывающая мне в лицо, резко бледнеет.

– Мам, ты что?

Вытираю тыльной стороной ладони липкую жижу под носом и даже не удивляюсь, увидев там красную полосу.

– Стеша, чего развалилась, маме помоги! На кровать положить нужно и голову запрокинуть.

– Нет, наоборот, ноги поднять...

– Не стой, папу зови...

Подушка подо мной ходит ходуном — её то взбивают, то выдергивают, пытаюсь устроить мою голову. Но этот внешний хаос ничто по сравнению с тем, какая ясная и четкая складывается картина сейчас у меня в мозгу.

Рома не ушел к той, любимой. К матери своего сына. Значит, не смог. Не пустили. Или там всё кончено.

И вместо того, чтобы прийти ко мне, попытаться спасти нашу семью, он нашел утешение в грязи. Он не видит во мне женщину. Он вообще меня не видит. Я для него — бракованная мебель, которую жалко выкинуть и противно чинить.

Ему проще драть какую-то дешёвую шлюху, снимая стресс, чем хоть раз поговорить со мной как с живым человеком. Я для него — пустое место. Ноль.

15.

– Ну и что ты устроила опять? – Злой голос Романа звучит у меня над головой. – Роль королевы драмы тебе не идёт.

Я поднимаю на него глаза, щурясь от утреннего света, что врывается сквозь раздёрнутые шторы. Сейчас я даже благодарна свету за то, что он скрадывает недовольное выражение, которое явно гуляет по лицу мужа.

Жалости и сожаления там точно нет.

– Кровотечениями из носа я не научилась управлять, – отворачиваюсь.

– С перепоя ещё и не такое бывает, – он хмыкает. – То дерёшься в салонах, то устраиваешь дебош на банкетах. Может быть тебя в рехаб отправить? Или в психушку?

– Оставь меня в покое, – глухо клокочу.

Я знаю, что сейчас он меня пугает. Будь он серьезно настроен, он бы явился с угрозой, что завтра я поеду в санаторий, где богатые жены его друзей восстанавливают нервы. И его не испугало бы то, что я могу поплакаться в жилетку какой-нибудь обездоленной знакомой и пойдут слухи о его любвеобильности. Потому что в этом нет ничего дурного. Но сдать жену в муниципальную психушку – это уже перебор, дурной тон. Этого он не допустит.

– Оставлю, обязательно! – зло рыкает. – Если желаешь, будем общаться только через адвоката.

Шаги удаляются, и я делаю усилие над собой – сажусь на кровати, прижимая к носу влажную салфетку. Он ведь и правда сейчас уйдёт.

А я хочу знать! Я очень хочу знать, что происходит.

– Стой! – Сиплю сквозь салфетку, когда он уже хватается за ручку двери. – Объясни мне...

– Зачем? – неохотно поворачивается.

Я понимаю, что сейчас выгляжу жалко. Наверное, бледная, как смертушка, и платок под носом меня не красит.

– Я хочу знать, что это конец, Рома. – Отнимаю салфетку от носа и шмыгаю. Он смотрит на меня, и я стесняюсь развернуть её и проверить, остались ли там кровавые пятна. – Если ты не скажешь мне правду, я не поверю до конца. Понимаешь?

– Не очень...

– С аргументами мне проще принять факт, что это навсегда.

На глубоком вдохе белая рубашка на его мощной груди натягивается, и Роман раздраженно поглаживает голову ото лба до затылка

Цедит неохотно:

– Логично.

Идёт обратно к кровати. Садится на угол и мои ноги по продавленному матрасу сразу ползут к нему. Я дёргаюсь и испуганно переставляю их подальше.

– Что ты хочешь знать?

Комкаю салфетку в руках. Я должна задать этот вопрос.

– Мать твоего ребёнка... – Горло перехватывает. – Ты её любишь?

– Я её любил всегда.

Боль, острая и точная, вонзается под рёбра. Я буравлю взглядом в свои ногти – бледные, без привычного лака. Кажется, я больше никогда не решусь на маникюр.

– А меня ты просто презираешь...

– Боже, Агата! У меня нет к тебе презрения и ненависти, когда ты ведёшь себя, как хорошая жена, – Он откидывает голову, и на его губах появляется кривая, недобрая ухмылка. – Но в последнее время, ты меня не радуешь. Наш брак изначально был совместным проектом. И совместный проект перестал приносить прибыль.

– И ты решил получить дивиденды на стороне. Один из них уже в институте, – голос срывается на предательской дрожи. Я делаю усилие, и продолжаю. – Скажи честно. Другие дети есть?

– Других нет! Это точно.

– То есть ты не изменял мне всё время брака?

– Агата, это допрос?

Он злится, и хочет выглядеть хуже, чем есть, поэтому не даёт мне прямого ответа. Я это знаю, я чувствую!

– Я хочу знать, любил ли ты меня хоть когда-нибудь? – спрашиваю ровным голосом, хотя внутри всё трясётся.

– Не знаю, – Роман хмурится, между бровей залегает глубокая складка. В молодости я смеялась и втирала ему туда крем от морщин, говорила, что эта складка делает его похожим на злого Буку. – У меня не было выбора, и я принял то, что мне подсунули.

У меня перехватывает дыхание. Воздух в комнате вдруг становится вязким.

– Подсунули?

Рука иррационально ползёт к подушке. Мне хочется огреть его, сделать ему больно. Жаль, что под рукой нет гарпуна для китовой охоты. Мне хочется воткнуть гарпун в его маленькое чёрное сердце, и проверить пару раз.

– А ты думала, я горел желанием жениться в двадцать четыре года? – Роман встаёт, выходящая надо мной, как скала. – Ты отлично знаешь, что наши отцы ударили по рукам, Агата. Я был просто активом. Перспективным, но подневольным.

– И ты... ты всё это время... – слова царапают горло. – Страдал по своей первой любви? Двадцать лет, Рома! Ты жил со мной, спал, улыбался моим родителям, а сам...

– А сам работал! – рявкает он, и я вздрагиваю. – Я пахал, как проклятый. Я вытащил фирму твоего отца из той ямы, куда он её загнал своими «гениальными» идеями. Я отработал свой долг сполна.

Он подходит к окну, демонстративно поворачиваясь ко мне спиной. Широкие плечи расправлены. Это поза победителя, который наконец-то сбросил тяжелый рюкзак на финише.

– И теперь? – мой голос дрожит, но я должна знать. – Теперь долг выплачен?

– Фирма под полным моим контролем, – бросает он через плечо, даже не глядя на меня. – Твой отец на пенсии, сажает гортензии на даче и молится на меня. Я больше никому ничего не должен. Контракт истёк, Агата. Можно расходиться.

Меня мутит. Не от вида крови на салфетке, а от этой циничной бухгалтерии. Моя жизнь, рождение дочерей, наши семейные ужины, поездки на море – для него это был просто «контракт». Долгосрочный лизинг с правом выкупа.

– Ты чудовище, – шепчу я. – Ты использовал меня, чтобы получить папин бизнес.

– Я спас папин бизнес! – он резко разворачивается, в голосе звучит сталь. – Не делай из себя жертву. Ты жила в шоколаде, ни в чем не зная отказа. Я обеспечил тебе жизнь, о которой мечтают миллионы. Но я устал притворяться, что меня возбуждает этот пресный брак. Я хочу жить для себя. С той, с кем мне хорошо.

Слёзы высыхают. Остается только холодная, звенящая пустота. И злость.

Ксюша права. Права на все сто процентов. И не нужно обладать интеллектом Эйнштейна, чтобы додумать остальное.

– Если ты так её любишь, – медленно произношу я, ощущая, как внутри натягивается струна – почему сначала ты был против развода... Ты должен был давно лететь к своей возлюбленной.

Он замирает. Даже, кажется, перестаёт дышать. Его взгляд, только что излучавший триумф победителя, тяжелеет, наливается свинцом.

Я откидываю окровавленную салфетку, чувствуя, как адреналин выжигает дурноту.

– У тебя есть деньги, власть, фирма, которую ты так хотел. У тебя есть сын-студент. У тебя есть «любовь всей жизни», по которой ты сохнешь двадцать лет. Так какого чёрта ты трахаешь случайных девок, чтобы «снять стресс»?

Роман делает шаг ко мне. В его глазах вспыхивает что-то опасное, но я уже не могу остановиться. Меня несёт.

У меня нет гарпуна, но я буду втыкать в него жестокую правду. Это будет больнее, потому что даже черного маленького сердца у моего супруга нет.

– Почему ты не летишь к ней на крыльях любви? Почему тянул столько лет, вместо того чтобы наслаждаться долгожданным счастьем с ней?

– Закрой рот, Агата, – его голос падает до угрожающего шепота. – Ты лезешь туда, где тебе делать нечего.

Меня пробивает нервный смехок, больше похожий на кашель. Роман резко отворачивается и дергает узел галстука, словно тот его душит.

– Она ждала, пока ты жил со мной? Пока ты растил дочерей? Пока ты строил из себя примерного семьянина? – Мой голос звенит издевательской отвагой. – Двадцать лет, Рома! Женщина, у которой есть гордость, не будет жить двадцать лет в режиме ожидания.

Он молчит. Смотрит в угол комнаты, и желваки на его скулах ходят ходуном

– Она замужем! – произношу с пугающей уверенностью.

Спина Романа каменеет.

– Твоя «настоящая любовь»... Она замужем за кем-то другим! И этот «кто-то» воспитал твоего сына! Поэтому ты бесишься! Потому что ты со всеми своими миллионами для неё опоздавшее прошлое!

Он не отвечает. Но я чувствую, что попала в цель.

– Для этого тебе и нужен сейчас этот развод, чтобы отбить её у мужа, да? Показать, что ты теперь свободный и готов к новому. Явно закончишь сублимации с маникюрами. И нет, ты бы не развёлся с приличной женой. Потому что это «плохо», – кривлюсь в ехидной усмешке. – Два женатых человека вдруг бросают свои семьи и отчаливают в новую жизнь.

Я хохочу.

Роман получил пол царства за принцессу, но она ему больше не нужна. Можно, пользуясь удобным случаем, бросить надоевшую принцессу, запереть её в замке с ежемесячным содержанием, и отправиться завоёвывать новую.

Интересно, там тоже прилагается королевство? Или всё по большой и чистой любви?

– Я права, Рома? – вскрикиваю зло, и сама же себе отвечаю. – Я знаю, что права!

16.

– Господи, Агата... – Мама склоняется над кроватью, и в нос мне тут же ударяет запах её пудровых духов. – Как же ты так...

– Что ты здесь делаешь? – отмахиваюсь от её жилистой руки с мокрым полотенцем, которое она пытается водрузить мне на лоб, и отворачиваюсь.

– Девочки позвонили... – цепко хватая меня за подбородок и разворачивает к себе. – А ну посмотри на меня. Голова кружится? Давление измеряла?

Сделав вид, что тянусь за стаканом воды, ускользаю из её хватки и делаю глоток. Руки дрожат, вода расплескивается на простынь.

Уже два часа я лежу в кровати, пытаюсь забыться сном. Меня тошнит, и я более чем уверена, что дело не в похмелье.

Меня тошнит от жизни.

После того, как Роман вышел из комнаты, хлопнув дверью, я уже два часа я лежу пластом, пытаюсь провалиться в сон, как в спасительную кому.

– Мам, не сейчас... – шепчу я, возвращая ей стакан. – Оставь меня.

– Ещё чего. У тебя, похоже, ранний климакс, – безапелляционно заявляет она, водружая-таки мне на лоб мокрое полотенце. Ощущение такое, будто мне шмякнули на лоб здорового слизня. – У нас по женской линии у всех сосуды слабые. И нервы ни к черту.

– Это не климакс, мама! – Я пытаюсь скинуть тряпку, но она прижимает её ладонью, давливая мне в лоб.

– Тш-ш-ш... Лежи.

Я замираю. Слышу, как где-то в глубине дома глухо бубнят голоса. Низкий баритон отца и резкие, отрывистые фразы Романа.

– Папа приехал?

– Конечно. Неужели он бросит единственную дочь в таком состоянии? – Мама выпрямляется, оглаживая безупречную юбку. На груди сухо щелкает жемчужное ожерелье. – Он сейчас беседует с Романом.

Я издаю стон, больше похожий на скулеж, и закрываю глаза. Представляю этот разговор. Двое мужчин, решающих судьбу «бракованного актива».

– Он уходит, мам, – произношу я в пустоту потолка. – Рома уходит.

– Глупости, – отмахивается рукой.

– Это не глупости! – К горлу подкатывает колючий ком. – Он любит другую. Всегда любил!

В комнате повисает тишина. Я жду взрыва, возмущения, криков «какой подлец!». Но мама молчит. Рядом слышится только шорох дорогой ткани – она садится в кресло, положив ногу на ногу.

В полумраке я не вижу её лица, только бежевый силуэт её костюма чётко читается на темно-зеленой драпировке.

– Я не знаю, что тебе сказать, Агата, – наконец произносит мама ледяным тоном, – кроме того, что тебе стоит прекратить истерику.

– Истерику?! – Я рывком сажусь, полотенце шлепается на колени. – Мам, у меня жизнь рухнула! Двадцать лет коту под хвост! Он мне изменял, он меня использовал, он...

– Ну и что?

Эти три слова бьют сильнее пощечины.

– Что значит «ну и что»?

– Тебе не двадцать лет, чтобы умирать из-за того, что муж посмотрел на другую юбку, – спокойно продолжает она, перебирая пальцами жемчужную нить. – Бабий век короток, а

мужик в возрасте Романа – он в самом соку. На него всегда будет спрос. И если женщина не может удержать мужа упругим телом, она должна брать мудростью и терпением. Ты боролась, Агата? Или сразу лапки сложила?

– Боже мой... – шепчу я, чувствуя, как холод пробирает до костей. – О чём ты говоришь? Какая мудрость? Он предатель! Ты сама-то боролась за папу? У вас же идеальный брак! Ты же...

Мама не отвечает. Только жемчуг в её пальцах начинает щелкать быстрее. Цок-цок-цок. Нервно, ритмично.

– Твой отец сейчас со мной, – её голос становится глухим, как из бочки. – А все его «большие любви»... они остались ни с чем. Вот и всё, что тебе нужно знать.

Мне хочется встать под душ и тереть кожу до красноты. Я думала, что мои родители всегда жили в мире и полном взаимопонимании. Я не слышала ругани, обвинений и отец никогда не уходил из дома с чемоданом.

Мама бы никогда не опозорила отца прилюдно. Не стала бы напиваться на приёме, не поставила бы свою семью под удар.

Я смотрю на мать, и меня накрывает душной волной ужаса.

Они сейчас вместе выращивают эти чёртовы гортензии и кормят белок в парке. А сорок лет назад мама, наверное, так же сидела в полумраке, глотала слезы. А потом покупала новое платье, приклеивала улыбку и накрывала на стол, делая вид, что не замечает чужой помады на воротнике отца.

Она не боролась за любовь. Она боролась за возможность быть его женой. И победила. Но какой ценой?

– Вы знали... – шепчу я, и голос срывается на визг. – Вы всё знали! Что у него он любил другую? Зачем вы меня под него подложили?!

Мама молчит, только бусины щелкают в полумраке.

– Я могла выйти замуж по любви! Я могла быть счастливой! А вы... Вы продали меня, как племенную кобылу!

Дверь распахивается. Резкий щелчок выключателя, и комната заливается безжалостным электрическим светом. Я жмурюсь, закрывая ладонью глаза.

На пороге стоит отец. Стоит, заложив руки за спину, и смотрит на меня сверху вниз.

– Ну что? – пренебрежительно интересуется у мамы. – Роман, действительно, не преувеличивал? Она себя не контролирует?

17.

У отца такой разочарованный вид, будто он выяснил, что лошадь, на которую он поставил крупную сумму, сломала ногу.

Мать в ответ на его вопрос лишь поджимает губы и опускает глаза.

– Выйди, – рявкает отец, бросая на меня уничижающий взгляд.

Мать, шурша юбкой, встаёт и, проскользнув за его спиной, идёт к двери. Если бы не это суетливое движение, я бы и не поняла, что приказ был адресован именно ей, а не мне.

Вялая, покорная предательница! Могла бы защитить меня, вытолкать отца из комнаты, соврать, что у меня мигрень! Хоть что-то...

Мне становится страшно за своих девочек. Неужели, узнай я о проблемах в их семьях, я бы вот так же сбежала, поджав хвост? Не встала бы перед ними, грудью защищая от разочарованного «патриарха» Романа?

Мы же женщины, мы должны быть вместе. Должны понимать, что разбитое сердце и тягучая тоска по прошлому отповедями не лечатся.

Тихо щёлкает замок двери.

Отец идёт к моей кровати. В последние годы у него сдаёт спина, поэтому он слегка подается корпусом вперед и передвигается мелкими, шаркающими шажками.

Наверное, в молодости он нагонял своей решительной поступью столько же страха, сколько и Роман. Но сейчас мне хочется не испугаться, а пожалеть его.

– Ты что творишь! – шипит отец, нависая надо мной. – Позоришь нашу семью, меня, мать...

– ...Рому и детей, – подхватываю я, морщась от головной боли. – Я в курсе, список пострадавших уже слышала. А про свой позор мой муж не посчитал нужным рассказать?

– Роман мне ничего не сказал о твоих выходках, «птички» ещё утром принесли на хвосте. Тебя видели все! Пьяную, растрепанную!

– А ещё я подралась с любовницей Романа. Весело, да?

Видимо, «птички» про драку донести не успели. Отец отшатывается, будто я плюнула ему на ботинки.

– Ты с ума сошла! Драться? Ты же из приличной семьи!

– Приличной? – Я приподнимаюсь на локтях, чувствуя, как злость вытесняет тошноту. – А продавать дочь, чтобы спасти свой бизнес, – это прилично, папа?

Он замирает. В его выцветших глазах вспыхивает холодная ярость.

– Не смей так со мной разговаривать, – его голос падает до угрожающего шёпота.

– Почему? Потому что правда глаза колет? – Тычу в него дрожащим пальцем. – Ты ведь знал! Ты знал, что Роман меня не любит. Знал, что у него есть другая!

– Разумеется, знал, – спокойно отрезает он.

У меня перехватывает дыхание. Я ждала оправданий, лжи, чего угодно, но не этого ледяного спокойствия.

– Ты... знал?

– Роман был молодым, горячим парнем. У всех есть увлечения молодости. У него была какая-то студентка, дочь учительницы... Пустое место. – Отец пренебрежительно машет рукой. – Это проходит, Агата. А бизнес, капитал, статус остаются. Я выбрал для тебя лучшего мужа в городе. самого перспективного.

– Лучшего? – Я смеюсь, и этот смех похож на кашель. – Ты выбрал кошелек! Ты разрушил мою жизнь ради своих амбиций! А я... я могла быть счастливой!

– С кем? – Он кривит губы в усмешке. – С тем голодранцем Денисом? Который ошивался у нашего дома с гвоздиками?

– Денис меня любил! – кричу я, захлёбываясь словами от возмущения. – Он смотрел на меня, как на богиню! Мы могли бы уехать, жить скромно, но счастливо. Без миллионов и без унижений!

– Твой маргинал Денис спился бы через пять лет, а ты стирала бы его носки в вонючей хрущевке и считала копейки до зарплаты, – жестко чеканит отец. – Я спас тебя от нищеты. Я дал тебе жизнь королевы. Дом, прислуга, курорты, шмотки... Ты ни дня в своей жизни не работала! И вот твоя благодарность?

– Благодарность?! – Я хватаю подушку и швыряю её в стену. – За что? За то, что я двадцать лет была удобной мебелью? За то, что рожала детей от мужчины, который, засыпая со мной, думал о другой? Ты знал про ту женщину... Знал, и всё равно выдал меня замуж, как средневековый феодал!

– Я думал, ты умнее, Агата.

Отец подходит к окну и смотрит на улицу, сцепив руки за спиной.

– Он бы никогда не ушёл от тебя, если бы ты ценила его, поддерживала и оберегала. Твоя задача была – улыбаться, и создавать ему имидж хорошего семьянина. Видимо, дело не столько в другой женщине. Он устал от тебя.

– Устал? – шепчу я, не веря своим ушам. – То есть ты сейчас сбрасываешь свою вину на меня. Ты считаешь нормальным сводить людей, как подходящих друг другу собак одной породы? У него взрослый сын, папа!

– И в этом тоже твоя вина! – грозно рыкает отец. – Почему ты не смогла родить ему наследника? Пока он приносил деньги в этот дом, пока он обеспечивал вашу семью, он мог хоть двадцать детей от восемнадцати разных женщин завести! Ты жила в раю, который он построил. Твоей единственной работой было – держать лицо и беречь семью. Быть мудрой. Слепой. Глухой. Немой, когда надо!

Он наклоняется ко мне, и его лицо искажает гримаса брезгливости.

– А ты? Ты решила поиграть в гордость? Устроила истерику, вываляла наше имя в грязи... Ты не справились, Агата. Ты начала качать права там, где нужно было промолчать и перетерпеть.

Отец выпрямляется и смотрит на меня уже без гнева. С холодным, уничтожающим разочарованием. Так смотрят на кошку, нагадившую на ковёр.

– Ты упустила мужа. Ты провалила единственную задачу, которая у тебя была, – чеканит он, подходя к двери. – Роман благороден, он оставляет тебе содержание. А я... я займусь минимизацией ущерба.

Он идёт к двери, но напоследок оборачивается:

– Приведи себя в порядок. Умойся. Завтра приедут юристы. Если ты устроишь ещё хоть одну сцену или попытаешься судиться с Романом, позоря нашу фамилию... я лично оформлю над тобой опеку через психиатров. Поверь, связей у меня хватит.

– Кто она? – вырывается у меня прежде, чем я подумать об этом. – Скажи мне...

Отец смотрит на меня с недоумением.

– Кто та девушка, которая родила сына? Дочь учительницы, ты сказал.

– Я не знаю, где она и что с ней. Будто мне нечем заняться, – отец кривит губы.

У них с мамой похожая мимика в моменты лжи, точно «муж и жена – одна сатана». – Я бы на твоём месте лучше занялся подготовкой к встрече с юристами.

Хлопает дверь, и я в изнеможении откидываюсь на подушку. Может быть, отец, и правда, ничего не знает. Только пытаться его бесполезно – это понятно.

Но я смогу сама найти информацию.

18.

Я лежу так минуту. Может, две. Пока шум мотора родительского «Мерседеса» не растворяется в уличной тишине.

Потом резко сажусь. Голова плывёт, как после карусели, но внутри вдруг рождается странное, холодное спокойствие.

Злость и жажда действия всегда действуют лучше успокоительного. Я сейчас понимаю, почему отчаявшиеся женщины бегут к гадалкам, астрологам, шаманам — не потому что верят, а потому что невыносимо просто лежать и смотреть, как твоя жизнь утекает сквозь пальцы. Нужно двигаться, чтобы не сходить с ума. Занимать себя чем-то. И ты рад, когда кто-то велит тебе жечь свечи, читать мантры или варить зелья из жабьих лапок...

Я придумала себе занятие сама. Я буду распутывать клубок лжи, который душил меня двадцать лет.

Когда появляется цель — даже такая безумная, как найти любовницу мужа по школьному альбому, становится легче дышать.

Кто она? *«Студентка»*. *«Дочь учительницы»*.

Отец проговорился. Или просто не посчитал нужным скрывать детали от такой никчемной дочери, как я.

Выскальзываю из кровати, бегу в ванную и включаю воду на полную мощность. Пусть думают, что я в душе смываю свой позор. А сама на цыпочках направляюсь в кабинет Романа, мысленно благодаря себя за то, что когда-то уступила и позволила ему устроить берлогу прямо напротив спальни.

Я-то хотела сделать там детскую... Идиотка, спорила с ним ещё!

Прислушиваюсь — тишина. Где-то внизу напевает Ксения, у неё хороший голос. А вот Романа не слышно. Наверное, уехал с родителями решать важные вопросы раздела имущества.

Тихо поворачиваю ручку и вздрагиваю, когда замок клацает слишком громко в гулкой тишине коридора.

Ещё раз обернувшись, как воришка-дилетант, убеждаюсь, что никого нет, и юркаю внутрь. Тихо прикрываю дверь и с облегчением прижимаюсь спиной к стене.

Сердце колотится, как у перепуганного воробья. Не дай бог Роман вернется. Как представлю его лицо, перекошенное злобой... оторопь берет.

В кабинете пахнет кожей, деревом и дорогим коньяком. На массивном дубовом столе идеальный порядок. Ни одной лишней бумажки, ни одной личной вещицы. Ежедневник лежит строго по центру, ручка — параллельно краю.

Ни фотографий с нашей свадьбы, ни изображений улыбающихся дочерей. Ничего, что отвлекало бы от работы.

Раньше мне нравилась его дисциплинированность, теперь я вижу в этом холодный расчет и бездушность.

На сейф я даже не смотрю. Я не знаю код. К тому же в таких железных ящиках хранят деньги и компромат, а не сантименты.

Сразу направляюсь к книжным шкафам и присаживаюсь на корточки перед нижней полкой.

Туда обычно сваливают то, что выбросить жалко, а ставить на видное место — не по статусу. Я Здесь хранятся ненужные грамоты, старые ежедневники, коробки с памятной мелочевкой.

И альбомы.

Я провожу пальцем по корешкам. 1998... 2000... Вряд ли дочь учительницы училась с ним за границей. Значит, школа.

Вытягиваю тяжелый том в бордовом переплете. Дрожащими пальцами листаю страницы школьного альбома, стараясь не отвлекаться на пожелания, украшенные сердечками, которые Роме от руки писали одноклассницы. Увидев надпись «Юля Микашина», замираю.

Полная девочка с кургузой челкой и коряво выведенным: *«Рома желаю тебе много денек»*.

Н-да, пожелание Юлии исполнено, но вряд ли именно она разбила ему сердце. Пролистываю альбом еще несколько раз и, вздохнув, откладываю его в сторону.

Нервно сдуваю упавшую на глаза прядь и тянусь за следующим корешком.

Значит, институт! Бог его знает, как простая дочь учительницы попала в этот элитный рассадник мажоров, но я и это выясню.

Быстро пролистываю фото, где молодой и смеющийся Ромка позирует на фоне готических соборов. Он был, конечно, чертовски хорош собой, но умиляться я буду в следующий раз. Или никогда.

Вечеринки, лекции, друзья...

Групповая фотография, где Ромка выделяется своей статью и ростом. Юный, улыбающийся искренне и весело, как никогда не улыбался во взрослой жизни. Рядом с ним стоят пареньки-ровесники, некоторых я знаю, они теперь партнеры или депутаты. А вот и девушки.

Я всматриваюсь в лица, пытаюсь угадать. Кто из них?

Про каких-то он мне рассказывал, и сейчас я жалею, что слушала вполуха. Кажется, это Анна. Дочь прокурора... Я помню, Роман говорил, что она его бесила своей правильностью. У нее и взгляд такой — оценивающий. Эта дама с начёсом, выглядящая старше своего возраста — их староста группы... Не то...

Я листаю дальше.

И вдруг меня прошибает озноб.

На одном фото — Роман и девушка. Светловолосая, с огромными испуганными глазами. Она смотрит на него так, будто он — центр вселенной. А он... он прижимает её к себе так бережно, словно боится сломать.

Как я могла этого не видеть раньше? Я ведь сотню раз листала этот альбом!

Но тогда я была ослеплена своим «счастьем», своим статусом, своей ролью принцессы. Я видела только себя рядом с ним. И была уверена, что Роман только мой! Самонадеянная идиотка.

Я выдираю фотографию из уголка, царапая подушечку пальца. Переворачиваю. На обороте надпись, выполненная мелким, бисерным почерком:

«Пусть твое сердце всегда будет там, где ты счастлив. Люблю тебя больше жизни. Навсегда твоя. Юля».

Во рту пересыхает. Делаю глубокий вдох и прижимаю фотографию к животу, словно закрывая рану.

Я нашла тебя, Юля. Что дальше?

Мне нужно найти её. Не знаю зачем. Плюнуть в лицо? Спросить, как она жила все эти годы, зная, что он женат? Или просто посмотреть в глаза той, которую можно любить всю жизнь, и понять, чем она лучше меня.

А, возможно, я просто надеюсь, что у неё сейчас шрам на всё лицо.

Не знаю!

Я сую фото в карман джинсов. Альбом хватаю под мышку. Он тяжелый, тянет руки, но я его не бросаю. Наверняка там есть и другие фото, я потом изучу каждый миллиметр.

Быстро переодеваюсь в свитер, завязываю волосы в конский хвост. Резинка путается в дрожащих руках, и я с досадой выдираю себе приличный клочок волос.

Всё ещё трясусь от возбуждения и азарта, набираю водителя.

— Да, Агата Павловна?

– Мне нужно уехать. Срочно.

– А вы надолго? А то мне со Стешей к репетитору через два часа...

– Успеешь!

Водителя муж отдал в полное распоряжение «семьи». Вот и отлично. Наконец-то он мне пригодится по прямому назначению — послужит семье. Точнее, тому, что от неё осталось.

19.

Я сбегая вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. В холле никого, кроме Ксении.

Старшая дочь сидит в глубоком кресле, поджав ноги в модных гольфах, и пьет чай из моей любимой фарфоровой чашки.

Вид у неё взъерошенный и недовольный, как у воробья, которого макнули головой в лужу.

Слегка поворачивает голову на мои шаги.

– О, ты решила встать?

– Да, у меня дела.

Мне не нравится её пренебрежительный тон, но я не намерена сейчас заниматься воспитанием.

– Стеша где?

– В своей комнате заперлась.

Я замираю на секунду, повиснув рукой на перилах. Сердце колет острая игла вины.

Наверное, стоит остаться, подняться к Стеше, обнять её, поплакать вместе... Но внутри меня уже бьет копытом чертёнок, жаждущий действий.

Если я сейчас не сделаю то, что решила, то не решусь уже никогда. А Стеша... Стеша вряд ли сейчас хочет кого-то видеть.

«Я делаю это ради них», — вру я сама себе и направляюсь в прихожую. Ощуаю между лопаток долгий, тяжелый взгляд старшей дочери.

Пытаюсь поддеть пальцами ног кроссовки. Тяжёлый альбом оттягивает руки, но я, взбодраженная, пытаюсь на ходу воткнуть ноги в кроссовки, не выпуская альбома из рук. Это ошибка. Пальцы соскальзывают, жесткий задник сминается под пяткой, причиняя боль.

– Мам, может, поговорим? – за спиной ровный голос Ксении.

Я чертыхаюсь и замираю, стоя на одной ноге, как подстреленная цапля. Ксения лениво подходит и становится рядом, прислонившись плечом к стене.

В который раз отмечаю, как пугающе она похожа на Романа. Тот же дерзкий взгляд, насупленные чёткие брови. Даже руки она на груди скрестила сейчас точь-в-точь, как он. Только грубая брутальность мужа в её облике смягчается, будто портрет тирана решили написать пастельной акварелью.

– Ксюша, мне некогда. – Наконец откладываю тяжеленный альбом и наклоняюсь, чтобы обуться. – Меня водитель ждёт, времени мало.

– Куда ты спешишь? Дальше позориться?

Медленно поднимаюсь, откидывая волосы назад.

– Что ты сказала? – цежу, надеясь, что ослышалась.

– У нас проблемы, мам. Которые возникли из-за тебя.

Мы с дочерью одного роста, но сейчас мне кажется, что она смотрит на меня с небоскрёба.

Молча тычу пальцем в воздух между нами, пытаюсь придумать подходящий случаю ответ. К сожалению, в нашей семье способность сохранять хладнокровие в стрессовых ситуациях есть только у Романа и Ксении.

– Из-за меня? – с трудом подбираю слова, задыхаясь от возмущения. – Твой отец изменял мне. И он врал мне двадцать лет!

Ксения устало закатывает глаза, будто я говорю очевидные глупости.

– Мам, включи голову. Папа бы не затеял развод сейчас, если бы ты его не спровоцировала.

– Спровоцировала?! – голос срывается на визг. – Тем, что узнала правду?

– Тем, что устроила истерику на публике, – холодно чеканит Ксения. – Я слышала, как дед жаловался папе. Весь город обсуждает не то, что у Бурцева есть сын или его измены, а то, что его жена – неменяемая алкоголичка.

Мне хочется сейчас рвануть в этих кроссовках до ближайшей границы. Или скрыться где-нибудь в дальнем монастыре на пару десятков лет.

– Не надо меня отчитывать. – Глухо сиплю. – Когда тебя обидит любимый человек, ты поймёшь...

– Ты уничтожала нашу репутацию, – перебивает она жестко. – И теперь все будут на стороне папы. Мол, не удивительно, что он гулял, живя с такой... – Она хмыкает, упуская красочный эпитет, но я догадываюсь, что она хочет сказать. – Ты дала ему козырь, мама!

У меня дрожат губы. Я пытаюсь поддеть ложкой пятку кроссовка, но промахиваюсь и роняю её на кафель. Звон металла о пол кажется оглушительным.

Мне не отмерили хладнокровия. Как обиженная женщина, возможно, я поступила правильно. Как жена публичного человека – нет. Вот что хочет сказать мне Ксения.

– Ты его оправдываешь... – шепчу.

– Я не оправдываю. Я мыслю рационально.

– Что?

– У нас проблемы, мама. И их нужно решать, а не сопли жевать. – Ксения делает глубокий вдох, не сводя с меня глаз и сообщает безапелляционно. – Я еду жить к папе!

Голова кружится и мне нечем дышать.

– В смысле... с папой? – Я хватаюсь за вешалку, чтобы не упасть. – Ты остаёшься с ним? После того, что он сделал со мной?

– Ну да, – она поправляет чёлку. – Я уже взрослая, мам. Я сама принимаю решения.

– Ксюша, он предал меня! – вырывается у меня крик, от которого эхо мечется под сводами холла. – Он меня презирает! Ты понимаешь, что твой отец вытирал о меня ноги двадцать лет? Что я для него – пустое место?

Ксения смотрит на меня с легкой, снисходительной жалостью. Так смотрят на умалишенных родственников.

– Ну, не так уж и вытирал, скажем честно. Но я не собираюсь отдавать отца какому-то левому «брату».

– Ты боишься конкуренции? – вглядываюсь в её лицо. – Что мальчик тебя вытеснит? Детка, нет, отец тебя любит и никогда...

– Да хватит уже этой лирики! – вскрикивает она, и маска спокойствия трескается. Голос срывается, в глазах блестят злые слезы. – Я не собираюсь строить из себя гордую птицу и оставаться ни с чем! Я с детства пахала, учила языки, зубрила экономику... Я мечтала, что встану рядом с ним, когда придет время. А теперь этот... этот «наследник»?!

Она шмыгает носом, отчаянно пытаюсь не расплакаться.

– Я не хочу, чтобы папа переметнулся в тот лагерь с концами, понимаешь? Я старшая! Я не хуже этого переростка!

Неужели она и правда покинет меня, чтобы доказать РOME, что она стоит большего, чем сын от любимой женщины?

– Я думала... – хриплю растерянно. – Я думала, ты выучишься, мы с папой подберем тебе хорошую партию... Ты выйдешь замуж, будешь счастлива...

Ксения смотрит на меня, как на прозрачную голограмму.

– «Хорошую партию»? – переспрашивает она тихо. – Чтобы я стала как ты?

Её слова бьют под дых. Жестко, больно, зато честно.

– Я хочу, чтобы меня уважали! Ясно? – Голос Ксюши крепнет. – Я хочу быть кем-то сама по себе. Я не хочу быть нулём без палочки, который исчезает, если муж хлопнет дверью! Я не буду тобой, мама. Никогда.

Я молчу. Пытаюсь вдохнуть воздух, которого вдруг становится катастрофически мало. Я готовила старшей дочери свою судьбу. А она все эти годы смотрела на меня и училась одному: как не стать мной.

Входная дверь открывается, впуская шум улицы. На пороге появляется водитель Сергей. В неизменной кожанке, с ключами, которые он нервно подбрасывает в руке.

– Агата Викторовна, едем? Или как?

Наклоняюсь и поднимаю альбом с пуфика. Фотография в кармане колет бедро острым уголком.

Возможно, Ксения права. В мире, где правят такие люди, как её отец, по-другому нельзя. Жаль, что в её возрасте я этого не понимала.

Я выдыхаю. Сил на скандал больше нет.

– Нам нужно поторопиться, – вмешивается Сергей, видя, что я медлю. – Потом пробки будут.

– Ты уже выбрала сторону, – говорю дочери, проходя мимо неё к выходу. – Можешь собираться.

Я выхожу за Сергеем в серый, промозглый день. Стеша остается дома одна, со своими слезами. Ксения собирается к отцу отстаивать свои права. А я... я еду искать призрака, который разрушил мою жизнь.

20.

Стоит мне переступить порог салона красоты, где трудится Лиза, как администратор, та же самая улыбчивая девица, что и вчера роняет телефонную трубку.

– Ой... – выдыхает она, и её глаза становятся идеально круглыми, как у филиппинского долгопята. – Это вы?

Она судорожно шарит рукой под столешницей, видимо, пытаясь нащупать тревожную кнопку, но вместо этого роняет банку с леденцами. Конфеты с веселым стуком раскатываются по кафелю.

– Успокойтесь, – говорю я, подходя ближе и кладя ладони на прохладный мрамор стойки. – Я сегодня в благодушном настроении.

– Простите, я проблем не хочу!

– Что вы, я тоже не хочу проблем. Я бы хотела увидеть Лизу. – Демонстрирую самую милую свою улыбку.

Администратор вытягивает шею, сглатывает и косится на дверь подсобки.

– Лиза занята! – взвизгивает она. – У неё сложное наращивание! Нельзя прерывать процесс.

– Значит, она здесь. Отлично. – Постукиваю ногтями по стойке и доверительно наклоняюсь к девушке. – В прошлый раз... я сорвалась. Хочу извиниться перед мастером. Лично. Понимаете?

Администратор сомневается еще секунду, потом приседает и юркает в подсобку. Через мгновение оттуда буквально выпихивают Лизу, которая на ходу вытирает руки о фирменный фартук и дожевывает бутерброд.

Слышен громкий шёпот: «Иди, дура, она извиняться пришла!».

– Простите, если я вам заусениц больно обрезала... – бормочет она, бочком отходя к витрине с маслами для кутикулы.

– Лиза, – я вздыхаю, изображая вселенскую усталость, – между нами возникло недопонимание. Я хотела бы мирно разрешить конфликт.

Она молчит, недоверчиво шурясь. Видно, что она до сих пор не поняла, кто я такая.

Я лезу в сумку. Лиза вместе с администратором втягивают головы в плечи, будто я сейчас достану оттуда гранату с выдернутой чекой.

Но я достаю паспорт. В красивой кожаной обложке, которую подарил мне Рома. У него такая же, только чёрная.

Медленно, с достоинством листаю страницы и открываю разворот со штампом о браке. Тычу им Лизе в нос.

– Прочти, пожалуйста.

Лиза бледнеет, потом идет пятнами. Медленно делает шаг назад и натывается спиной на администратора, которая, вытянув шею, пытается разглядеть штамп.

– Я пришла с тобой поговорить.

Лиза мяукает что-то нечленораздельное. В её глазах мелькает паника. Наверное, только сейчас поняла, почему Роман на неё сорвался. И какой жене она что сказала.

Выразительно смотрю на девушку администратора, и та послушно юркает обратно за свою стойку.

– Я с мирными намерениями, – поднимаю руки, демонстрируя свою незащищенность. Хотя с большим удовольствием сейчас свела бы пальцы на её шее.

– Пойдёмте, – Лиза семенит впереди меня к мягким пуфикам, где должны ожидать своей очереди страждущие клиенты. Я не хочу садиться рядом с ней, но выбора у меня особо нет.

Опускаемся на велюровые подушки, как две закадычные подружки, обсуждающие цвет лака.

Лиза молча кусает губы, явно нервничает. Мне приятно, что я доставляю ей дискомфорт. И еще меня радует, что вряд ли Рома снова воспользуется её услугами.

– Лиза, – я стараюсь говорить спокойно, хотя внутри всё клокочет. – Мне нужна информация.

– Какая ещё информация? Рецепт борща? Рома говорил, вы готовить не умеете.

– Не дерзи, – высокомерно чеканю я. – Если мне нужна информация, это не значит, что я не повторю вчерашний подвиг. А лучше, – шурюсь, придумывая месть. – Я расскажу всем своим подругам, что ты самая безрукая маникюрша из всех, что я видела. А ещё, что ты заразила меня грибок. Как считаешь, много клиентов у тебя останется?

Лиза теряет всю свою напускную спесь и рыскает глазами по сторонам.

Ей неловко, ведь для посторонних я мирная клиентка. Может быть, она и сорвалась бы в крик, но скандал закатывать на работе боится.

– Вижу, ты не настроена на конструктивный диалог. Давай, тогда по-другому, – достаю смартфон из сумочки и лезу в контакты. – Я думаю, что в ближайшее время у тебя будут материальные трудности. И я готова тебе помочь в обмен на информацию.

– У меня будут трудности? – складывает брови домиком. – А почему?

Фыркаю. И противно, и жалко её. Спрашивать у законной супруги, почему её муж собирается бросить любовницу, как-то... совсем уж глупо. И почему мужчины для потрахушек выбирают пустоголовых?

Никак не комментирую этот дурацкий вопрос, лишь небрежно вскидываю бровь, и она опускает глаза.

Смазливая и наглая мерзавка, которая не понимает, что с ней было весело и забавно ровно до того момента, пока правда не всплыла наружу.

– Мне нужна фотография. – Продолжаю скролить список контактов.

– Зачем?

– А это уже моё дело.

Но в Лизе просыпается вредность.

– Я её удалила!

– То есть тебе не нужны обеспеченные клиентки из числа моих подруг?

Лиза сглатывает и облизывает губы.

– Можешь приезжать к ним домой, думаю, они тебя щедро отблагодарят.

– Взамен на фотографию?

– Умная девочка, – безбожно ей льщу. – И на сведения об этой женщине.

– Я не знаю ничего о ней. Просто Рома пару раз, выходя от меня говорил, что его жена ждёт. И я видела эту машину. Вот и всё... – тараторит она.

– Молодец, теперь фото.

Лиза моргает, нервно комкает фартук.

– Сначала рекомендация.

Тяжело вздыхаю и отправляю председателю родительского комитета сообщение. «Томочка, помню ты спрашивала контакты моей золотой маникюрши, я не дала. Прости, готова поделиться...»

Лиза рядом шумно дышит, заглядывая мне в экран. Это так бесит, что я готова перестать изображать гордую герцогиню и заехать ей в ухо.

– Диктуй телефон.

Под пристальным взглядом Лизы вбиваю цифры и отправляю Тамаре. Наверное, она сильно удивится, если что, потом извинюсь. Хотя, что мне теперь терять, моя репутация не то, что обнулена, она стремится к отрицательным значениям.

– Всё, теперь твоя очередь, – прячу телефон в карман, пока Тамара не прислала мне недоумевающий смайлик. – Понравишься моей подруге, двери элитных коттеджей для тебя распахнутся.

Ага, сейчас, жди... У моих подруг тоже есть мужья. И вряд ли девица с губами, похожими на вареники, переступит порог их дома.

Лиза колеблется, потом с видом победительницы достает из кармана фартука телефон.

– Куда пересылать?

Я не собираюсь ей диктовать свой номер, мало ли, что ей в голову взбредёт. Молча беру её телефон и раздвигаю пальцами изображение.

Уже знакомая фотография, лица женщины толком не видно. Зато отлично читается номер машины. Делаю снимок экрана на свой телефон.

– Лиза вдруг осекается, разглядывая меня с неожиданным интересом. – Подождите... Так если вы здесь, то кто тогда на фото?

До неё доходит. Медленно, как до жирафа.

Её накрашенные губы растягиваются в ехидной ухмылке. Она поправляет идеальные локоны, наслаждаясь моментом, и к ней возвращается прежняя бравада.

– О-о-о... Так вы, получается, рогатая жена, которую даже за жену не считают?

Меня обжигает волна гнева, но я гашу её ледяным спокойствием.

– Хотела бы оказаться на моём месте, правда? – спрашиваю я тихо, наклоняясь к ней. – Даже на таком, а? После развода мне останется половина империи Бурцева. Особняк, счета, акции. А тебе что останется, Лиза? Номер телефона, который он заблокировал? И надежда на моих «щедрых» подруг?

Улыбка сползает с её лица.

Сейчас во мне говорит порода и высокомерие моих родителей. Если бы мама видела меня сейчас, она бы гордилась тем, как хорошо я усвоила уроки хороших манер. Способность одним взглядом, одной меткой фразой ставить на место людей дорогого стоит. Пусть Лиза не думает, что Рома женился на мне только потому, что у меня хороший хук справа.

Я встаю, расправляю плечи и выхожу из салона под мелодичный звон колокольчика. Спиральной чувствую её ненавидящий взгляд.

На улице меня ждёт Сергей. Он стоит у машины, курит в кулак и зорко сканирует прохожих, будто телохранитель президента. Увидев меня, он тут же бросает окурочек и распахивает заднюю дверь.

– Всё в порядке, Агата Павловна? Без жертв?

21.

Падаю на заднее сиденье машины и тут же открываю на телефоне фотографию, увеличивая ее пальцами.

Вбиваю в поиск номер. Конечно, я тот ещё хакер! По моему запросу вываливается только необъятная номенклатура каких-то санфаянсовых изделий.

Откидываюсь на спинку сиденья и безнадежно смотрю в потолок. Что ж, возможно, это знак. Все мои попытки докопаться до правды сливаются в унитаз. В самом прямом смысле этого слова, учитывая поисковую выдачу.

Небрежно стучу пальчиком по подголовнику водительского кресла.

– Сергей, вы же в полиции раньше работали?

– Да, было такое, – настороженно отзывается он.

– У вас остались знакомые, которые могли бы помочь кое с чем..?

Да, глупо, очень глупо просить водителя мужа помочь с поисками. Ведь это все равно дойдет до Романа. Но в меня уже вселился маленький, злобный демон мщения. И я не успокоюсь, пока не узнаю подробности.

– Эм... – тянет Сергей. – А что случилось?

– Нужно срочно сдать деньги на выпускной Стеши. Желательно уложиться в час, – тяжело и максимально драматично вздыхаю. – А я телефонную книжку случайно почистила...

В зеркале заднего вида мелькает острый, как лезвие, взгляд Сергея. Ему моя просьба явно кажется подозрительной.

– В школу вас отвезти?

– Уже поздно, родительский комитет сейчас за кафе и катер поедет рассчитывать. Стеша расстроится. Вот я балда! – трагично закусываю губу. – Там председатель – такая жесткая женщина...

Бедная Тамара. Она и не подозревает, что сегодня служит моим прикрытием по всем фронтам.

– А полиция при чём? – резонно уточняет Сергей.

– У меня есть фото этой дамы из родкома. И её машины. Может, по номеру адрес можно узнать?

– Можно. Но давайте лучше в школу заедем, там спросите...

– Сергей, ну вы же профессионал, правда? – пускаю в ход тяжелую артиллерию. – Можете любую информацию достать. А ещё цените и свое, и мое время. Зачем нам столько лишних передвижений по пробкам?

Фраза «Вы же профессионал», произнесенная с восхищенным придыханием – это настоящая магия. С её помощью я в своё время добивалась самых красивых букетов, потрясающих анимационных шоу и авторских тортов на заказ вне очереди. Никто не хочет признавать, что до профессионала ему далеко, и многие готовы вывернуться наизнанку, чтобы оправдать доверие милой и приятной женщины.

Сергей молчит, упрямо смотрит на дорогу. Видимо, напряженно думает.

Или с бывшими полицейскими эта фраза не работает?

– Ладно, давайте номер, – наконец бурчит он.

Задыхаясь от восторга перед его мужским всемогуществом, диктую номер машины Юлии. Спустя пару минут и пару коротких звонков «нужным людям», я получаю то, что мне нужно.

– На какого-то Валерия Семакина записана тачка ваша, – угрюмо цедит Сергей. – На Ткачей живёт.

– Да, точно! – радостно хлопаю в ладоши. – Валера – это муж её. Отвезёте? Я как раз успею деньги отдать!

Сергей недовольно двигает челюстью и перестраивается в левый ряд для разворота. Молчит он при этом исключительно красноречиво.

Я выпархиваю из машины и раздаю водителю свои самые милые улыбки.

– Спасибо, Сергей! Я только деньги передам – туда и назад. Быстро. – Нервно подергиваю ремень сумочки и зачем-то добавляю: – Можете не ждать.

– Ну уж нет, я постою, – сурово басит Сергей. – С вами сейчас, как на минном поле. С меня потом шеф голову снимет, если что.

Господи, какое счастье, что Юля замужем. Иначе Сергей слишком легко бы догадался, что это никакой не председатель родительского комитета и никакого сбора на выпускной не существует. А так – муж, семья, приличный адрес. Всё выглядит чинно и невинно.

В лобби элитной высотки пахнет дорогими диффузорами. Мягкие диваны с разноцветными подушками, живые цветы в массивных вазах, бдительный консьерж за стойкой...

Я стою посреди всего этого великолепия и отчетливо понимаю, что в своих фантазиях всегда намного легче быть безбашенной и смелой. Творить правосудие и срывать маски.

А на деле – страшно. До тошноты.

Заявиться в дом к первой любви собственного мужа и посмотреть ей в лицо. Потому что тогда всё окончательно станет правдой. Тогда я точно пойму, что Рома меня предал. И, что самое страшное, никогда и не любил.

Сглатываю горькую слюну страха и жму кнопку лифта.

Двадцать пятый этаж. Скоростная кабина бесшумно летит вверх, а у меня такое ощущение, что еду я не наверх, а стремительно падаю вниз – на самое дно, туда, где заканчиваются все красивые истории о счастливых браках.

Мнусь перед массивной дверью. Если что, развернусь и скажу, что ошиблась этажом.

Раздаётся громкая, пронзительная трель звонка.

За дверью слышатся быстрые шаги, которым гулками ударами вторит моё колотящееся сердце. Щелкают ключи в замочной скважине.

Внутренний голос орет: «Беги!», но я заставляю себя остаться.

Дверь распахивается:

– Я же говорил: сначала звоните, потом документы привозите... – раздраженно бросает серьезный мужчина в очках, стоящий на пороге. Но тут же осекается, разглядывая меня.

Вытягиваю шею, изо всех сил надеясь разглядеть за его спиной роковую красотку Юлю.

– Простите, я...

– Вы кто? – с подозрением перебивает он, следя за моими нервными движениями.

– Нет, я...

И тут мой взгляд цепляется за деталь. Прямо у двери, на консоли, стоит фотография в рамке – женщина, мужчина и мальчик. Обычная семья. Очень счастливая, судя по безмятежным улыбкам. Наверное, тот самый мальчик, который сейчас чёрт знает на каком курсе.

Я смотрю на этого мужчину и внезапно чувствую к нему странное, почти щемящее родство. Линзы в его очках – простые, прозрачные стекляшки. А вот метафорические очки, через которые он смотрит на свою жизнь, – точно такие же розовые, какие до недавнего времени носила я.

Он считает, что у него любящая жена. Считает, что его сын – это *его*сын. Считает, что жизнь удалась, потому что дома пахнет ужином, тепло и уютно.

А всё это время он жил в декорациях. Во лжи.

Как и я.

Разница между нами кроется только в одном: я уже знаю. А он – ещё нет. Он беспечно балансирует на том самом краю неведения, с которого я сверзилась пару дней назад. Стоит и даже не подозревает, что земля под ним уже дала трещину.

И я смотрю на него – и вижу саму себя. Ту наивную дурочку, которой казалось, что её мир в полном порядке. Которая ни черта не знала, ни о чем не догадывалась и счастливо улыбалась.

Ему тоже нужна правда. Потому что жить в теплой, удобной иллюзии куда страшнее, чем знать, как всё обстоит на самом деле. Уж теперь-то я это точно выучила.

– Вы знаете, что ваш сын – вам не родной? – выпаливаю я, совершенно неожиданно для самой себя.

Мужчина замирает, словно на него вылили ушат ледяной воды. На секунду мне искренне кажется, что от шока у него даже стекла в очках запотели.

– Валер, кто там? – доносится из глубины квартиры женский голос.

В коридор, на ходу вытирая руки о кухонный фартук, выглядывает обладательница слегка всклокоченной головы.

А вот и Юлия.

22.

Мое воспаленное воображение рисовало яркие и откровенные сцены, где мой муж жарко целовал стройную белокурую красавицу. Но Юлия сейчас совершенно не похожа на то, что я представляла.

Она... Обычная.

Из кухни тянет тёплым мучным запахом. Наверное, булочки печет для своей любимой семьи.

Мужчина смотрит на меня, испуганно распахнув глаза. Обернувшись через плечо, тянет растерянно:

– Юль...

Видно, как по гладко выбритой шее ходит кадык.

Женщина, увидев меня, меняется в лице. На секунду замирает, но уже через мгновение в её глазах мелькает хищное выражение. Мимолётное, но я успеваю его заметить.

Она узнает меня. Ну, конечно! Навела справки о супруге своего любовника.

На ходу приглаживает волосы и идёт к двери. У неё на ногах яркие розовые пушистые тапочки с ушками зайца. Почему-то эти заячьи уши так меня завораживают, что я не могу отвести от них глаз.

Эта домохозяйка в тапочках не может быть первой любовью Романа. Просто не может!

– Валера, иди, это ко мне...

Оттискивает его плечом и выходит в подъезд, плотно захлопнув за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.